

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Джеймс Хэдли
Чейз

ПОЛОЖИТЕ ЕЕ
СРЕДИ ЛИЛИЙ

«ИНОСТРАНКА»

Вик Маллой

Джеймс Чейз

Положите ее среди лилий

«Азбука-Аттикус»

1950

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Положите ее среди лилий / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1950 — (Вик Маллой)

ISBN 978-5-389-19286-7

Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, прославился в жанре «крутого» детектива. Он вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Постоянно менял работу и испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом-распространителем книг, основательно изучив книжный бизнес изнутри. Впоследствии он с иронией вспоминал: «...Пришлось постучать не менее чем в сто тысяч дверей, и за каждой из них мог встретить любого из персонажей своих будущих романов... И столько пришлось мокнуть под дождем, что сейчас никто не в силах заставить меня выйти из дома в сырую погоду...» За полвека писательской деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы. В настоящем издании публикуется роман о частном детективе Вике Маллое, созданный Чейзом в 1950 г. Текст печатается в новом переводе.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19286-7

© Чейз Д. Х., 1950

© Азбука-Аттикус, 1950

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Джеймс Хэдли Чейз

Положите ее среди лилий

James Hadley Chase

LAY HER AMONG THE LILIES

Copyright © Hervey Raymond, 1950

All rights reserved

© Е. А. Королева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

Глава первая

1

Стояло безветренное жаркое июльское утро – прекрасное, если проводить его на пляже в компании любимой блондинки, но невыносимое, если торчать в конторе, как в моем случае.

В открытые окна врвался шум утреннего потока машин на Оркид-бульваре, стрекот вертолетов, круживших над пляжем, и шум волн прибоя. Кондиционеры, скрытые в недрах Оркид-билдинг, прекрасно справлялись с повышением температуры. Солнечный свет, обжигающий и золотистый, рисовал узоры на офисном ковре, который Паула купила, чтобы он производил впечатление на клиентов, и который всегда казался мне слишком дорогим, чтобы по нему ходить.

Я сидел за письменным столом, предварительно бросив на него несколько старых писем: если внезапно зайдет Паула, пусть убедится, что я весь в работе. Крепкий коктейль, способный прожечь металл, был спрятан за парой внушительных томов юридических справочников и приветливо позвякивал льдинками каждый раз, когда я брал его в руку.

Прошло уже больше трех с половиной лет с тех пор, как я основал «Юниверсал сервисес». Мы брались за любую работу – от дрессировки пуделей до спасения от шантажистов, тянувших с клиента денежки. Нашими услугами пользовались в основном миллионеры, поскольку ценник у нас был высокий. Однако в Оркид-Сити миллионеров почти столько, сколько песчинок на пляже. Мы неплохо провели эти три с половиной года, кое-что заработали и чем только не занимались: даже раскрытое убийство было в нашем послужном списке.

Последние несколько дней наши дела шли ни шатко ни валко. Разной повседневной мелочовки было полно, но ее брала на себя Паула Бенсинджер. Только когда случалось нечто из ряда вон выходящее, к работе приступали мы с Джеком Керманом, моим помощником. А ничего такого пока не случилось, поэтому мы просто сидели и ждали, потягивая скотч и изображая перед Паулой, как мы заняты.

Развалившись в кресле, предназначенном для клиентов, Джек Керман, худой, элегантный, с седой прядью в густых черных волосах и с усами, как у Кларка Гейбла, прижал ко лбу запотевший бокал с коктейлем и совершенно расслабился. В летнем костюме оливкового цвета и полосатом желто-красном галстуке, в узких ботинках из белой кожи с темно-зелеными крапинками, он как будто сошел со страниц «Эсквайра».

После продолжительного глубокомысленного молчания он изрек:

– Какая же она красotka! Не будь у нее рук, она бы и Венеру затмила. – Он уселся в кресле поудобнее и вздохнул. – Жаль, что никто не догадался отнять ей руки. Боже! Она сногшибательная! А я-то, болван, принял ее за проститутку.

– Только мне не рассказывай, – взмолился я, потянувшись за бокалом. – Уж больно знакомое начало. Очень надо мне в такое утро слушать о твоих любовных похождениях. Лучше я почитаю Крафт-Эбинга¹.

– Да что ты можешь вычитать у старого козла? – презрительно отозвался Керман. – Все самое пикантное у него написано на латыни.

¹ *Рихард фон Крафт-Эбинг* (1840–1902) – австрийский и немецкий психиатр, невролог и криминалист, один из основоположников сексологии. В его работе «Половая психопатия» были впервые опубликованы исследования сексуальных девиаций и введены понятия садизма, мазохизма и т. д. Значительная часть материала была написана на латыни, чтобы не шокировать широкую публику. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

– И ты не представляешь, сколько мужчин выучили латынь только ради того, чтобы прочитать его книгу. Вот это я называю убить двух зайцев.

– Мне не дает покоя моя блондинка, – заявил Керман, вытягивая длинные ноги. – Я столкнулся с ней вчера вечером в аптеке у Барни...

– Блондинки меня не интересуют, – сказал я резко. – Вместо того чтобы сидеть тут и болтать о женщинах, лучше бы попытался найти нам новое дело. Иногда я вообще не понимаю, за что я тебе плачу.

Керман задумался, и на его лице выразилось изумление.

– Так ты хочешь заняться новым делом? – спросил он наконец. – Я-то думал, смысл в том, чтобы вкалывала Паула, а мы жили за ее счет.

– В целом план именно такой, но было бы неплохо, если бы время от времени ты и сам зарабатывал на жизнь.

Керман облегченно вздохнул:

– Вот именно, время от времени. Я уж испугался, что приниматься за работу нужно прямо сейчас. – Он сделал глоток виски и закрыл глаза. – Так вот, та блондинка, о которой я все пытаюсь тебе рассказать. Девушка с юмором. Когда я попытался назначить ей свидание, она заявила, что не бегаёт за мужчинами. И знаешь, что я ответил?

– Ну что ты ответил? – спросил я, потому что он все равно рассказал бы. И потом, если я не стану слушать его враки, кто тогда станет слушать мои?

Керман сдавленно фыркнул.

– Леди, – сказал я ей, – может, вы и не бегаете за мужчинами, так ведь и мышеловке нет нужды бегать за мышами. Ловко я ее, а? Ее это просто убило. Ну и нечего смотреть так кисло. Если ты уже слышал эту шутку, то она – нет, и это сразило ее наповал.

А в следующую секунду, прежде чем я успел спрятать бокал, дверь рывком отворилась, и в комнату вихрем ворвалась Паула.

Паула – высокая, темноволосая красotka с внимательным и спокойным взглядом карих глаз, с фигурой, наводящей на разные мысли – меня, а не ее. Она все понимала с полуслова и была фантастически расторопным и неутомимым работником. Именно она подтолкнула меня к открытию «Юниверсал сервисес» и одолжила денег, чтобы я продержался первые полгода. И только благодаря ее способности улаживать все административные вопросы, наши дела процветали. Если меня можно было назвать мозгом предприятия, то она была его хребтом. Без нее наша компания загнулась бы через неделю.

– Неужели нет занятия получше, чем сидеть и тупо напиваться? – спросила она, садясь к моему столу и глядя на меня с укором.

– А разве бывают занятия получше? – спросил Керман, слегка заинтересовавшись.

Она бросила на него испепеляющий взгляд и снова перевела на меня свои пронизательные карие глаза.

– На самом деле, мы с Джеком как раз собирались выйти, чтобы подыскать какое-нибудь новое дело, – заявил я, спешно отодвигаясь назад вместе со стулом. – Вставай, Джек. Пойдем поищем, чем можно заняться.

– И где это вы собрались искать? Не в баре у Финнегана? – насмешливо поинтересовалась Паула.

– Между прочим, прекрасная идея, зануда, – сказал Керман. – Может, у Финнегана найдется для нас дело.

– Прежде чем идти, взгляните-ка на это, – сказала Паула и сунула мне под нос длинный конверт. – Швейцар только что принес. Нашел в кармане того старого плаща, который ты широким жестом подарил ему.

– В самом деле? – удивился я, забирая конверт. – Как странно. Я тот плащ уже больше года не надевал.

– И штемпель это подтверждает, – произнесла Паула зловеще-ровным тоном. – Письмо было отправлено четырнадцать месяцев назад. Полагаю, ты не мог сунуть конверт в карман и попросту забыть о нем? Ты ведь не сделал бы так?

Нераспечатанное письмо было адресовано мне, адрес на конверте написан аккуратным женским почерком.

– Не помню, чтобы видел его раньше, – сказал я.

– Совершенно неудивительно, если учесть, что ты ничего не помнишь, пока я тебе не напомню, – колко отозвалась Паула.

– Знаешь что, гарпия ты наша, – мягко вставил Керман, – в один прекрасный день кто-нибудь размахнется и как даст тебе по носу.

– Это ее не остановит, – заверил я, вскрывая конверт. – Я уже пробовал. Она от этого только злее. – Я извлек из конверта листок почтовой бумаги и пять стодолларовых банкнот.

– Святые угодники! – воскликнул Керман, вскакивая на ноги. – И ты подарил это швейцару?

– Вот только не начинай, – предостерег я и принялся читать письмо.

Поместье «Крествейз»

Футхилл-бульвар, Оркид-Сити

15 мая 1948 года

Не могли бы Вы навестить меня завтра в три часа пополудни по указанному в письме адресу? Мне необходимо собрать улики против того, кто шантажирует мою сестру. Насколько я знаю, Вы беретесь за подобную работу. Прошу Вас, считайте это письмо срочным и совершенно конфиденциальным. Прилагаю пятьсот долларов в качестве аванса.

Дженет Кросби

Повисло долгое и тягостное молчание. Даже Джеку Керману не нашлось что сказать. Наш бизнес развивался благодаря рекомендациям, а четырнадцать месяцев продержат у себя задаток от перспективного клиента и даже не подозревать об этом – так себе рекомендация.

– Срочно и конфиденциально, – пробормотала Паула. – Протаскав с собой письмо четырнадцать месяцев, он отдал его швейцару, чтобы тот показал всем своим приятелям. Просто чудесно!

– Помолчи! – прорычал я. – Почему же она не позвонила и не потребовала объяснений? Должна же она была догадаться, что письмо затерялось. Хотя погодите-ка минутку. А это не она ли умерла? Какая-то из сестер Кросби умерла. Уж не Дженет ли?

– Кажется, да, – сказала Паула. – Я сейчас уточню.

– И заодно собери все, что у нас есть на Кросби.

Когда Паула вышла в приемную, я произнес:

– Уверен, Дженет мертва. Наверное, придется вернуть деньги семье.

– Если мы так сделаем, – возразил Керман, который всегда трудно расставался с деньгами, – об этом может пронюхать пресса. Подобную историю можно раздуть до таких размеров, что мы вылетим из бизнеса. Надо действовать осторожнее, Вик. Было бы разумнее придержать аванс и никому ничего не говорить.

– Мы не имеем права. Пусть мы плохие работники, но обязаны хотя бы быть честными. Керман снова устроился в кресле.

– Не стоит будить спящего пса. Кросби, кажется, занимается нефтью?

– Занимался. Он умер. Погиб от шальной пули два года назад. – Я взял нож для бумаг и принялся ковырять дырки в промокашке. – Совершенно не понимаю, как я мог забыть письмо в кармане плаща. И теперь придется выслушивать упреки всю оставшуюся жизнь.

Керман, прекрасно знавший Паулу, сочувственно усмехнулся.

– А ты ей дай оплеуху, если она станет зудеть, – с готовностью посоветовал он. – Какое счастье, что это был не я!

Я все еще ковырял дыры в промокашке, когда Паула вернулась с кипой газетных вырезок.

– Она умерла от сердечной недостаточности пятнадцатого мая – в тот же день, когда отправила тебе письмо. Неудивительно, что ты о ней так и не услышал, – сообщила она, закрывая дверь кабинета.

– От сердечной недостаточности? Сколько же ей было лет?

– Двадцать пять.

Я отложил нож для бумаг и потянулся за сигаретой.

– Как-то рановато умирать от сердечной недостаточности. В любом случае надо проверить. Что еще у нас есть?

– Да негусто. В основном то, что мы уже знаем, – сказала Паула, присаживаясь на краешек стола. – Макдональд Кросби сделал свои миллионы на нефти. Он был суровый, неприятный в общении старый квакер, довольно узколобый. Женат был дважды. Дженет – его старшая дочь от первой жены. Морин, его дочь от второй жены, младше сестры на четыре года. Макдональд Кросби оставил бизнес в тысяча девятьсот сорок третьем году и поселился в Оркид-Сити. Прежде жил в Сан-Франциско. Его дочери совершенно не похожи друг на друга. Дженет прилежно училась, почти все время посвящала живописи. Несколько ее картин висят в нашем художественном музее. Судя по всему, у нее был большой талант и довольно нелюдимый, раздражительный характер. Морин – балованная красотка. Взбалмошная, распущенная, развязная. До самой смерти старика Кросби она то и дело попадала на первые полосы газет в связи с какими-нибудь скандалами.

– Какого рода скандалами? – спросил я.

– Примерно два года назад она сбила насмерть какого-то парня на Сентр-авеню. Ходили слухи, что она была пьяна, и это вполне вероятно, потому что пила она как сапожник. Кросби надавил на полицию, и Морин отделалась крупным штрафом за опасное вождение. Еще был случай, когда она проскакала по Оркид-бульвару на лошади совершенно голая. Кто-то поспорил с девицей, что у нее не хватит духу, но духу хватило.

– Позволь уточнить, – вмешался Керман, который уже сидел как на иголках. – Голой была лошадь или девушка?

– Девушка, разумеется, болван!

– В таком случае где был я? Я ее не видел.

– Она проехала на лошади всего ярдов пятьдесят, пока ее не задержали.

– Был бы я поблизости, она бы и столько не проехала.

– Хватить болтать пошлости, помолчи!

– Да, похоже, эта девушка отличный объект для шантажа, – признал я.

Паула кивнула.

– О смерти Кросби ты и сам знаешь. Он чистил в кабинете ружье, и оно случайно выстрелило. Три четверти своего состояния он завещал Дженет без всяких условий, а четверть – Морин, но через доверительный фонд. Когда Дженет умерла, все деньги перешли к Морин, и, судя по всему, она совершенно переменилась. С тех пор как Морин потеряла сестру, ее имя ни разу не упоминали в прессе.

– Когда погиб Кросби? – уточнил я.

– В марте сорок восьмого. За два месяца до смерти Дженет.

– Как же Морин повезло.

Паула удивленно подняла брови.

– Верно. Дженет сильно переживала смерть отца. Она никогда не отличалась крепким здоровьем, и в прессе писали, что потрясение прикончило ее.

– Все равно Морин повезло. Не нравится мне это, Паула. Может, я слишком подозрительный. Но Дженет написала мне о том, что кто-то шантажирует ее сестру. После чего она

скоропостижно скончалась от сердечной недостаточности. А ее сестре достались все денежки. Морин просто чертовски повезло.

– Не вижу, что мы можем поделать, – сказала Паула, хмурясь. – Нельзя же представлять интересы мертвого клиента.

– Еще как можно. – Я постучал по стопке стодолларовых купюр. – Мне надо либо вернуть деньги родственникам, либо попытаться их заработать. Думаю, я попытаюсь заработать.

– Четырнадцать месяцев – это очень долгий срок, – с сомнением протянул Керман. – След уже остыл.

– Если он был, этот след, – вставила Паула.

– С другой стороны, – сказал я, отодвигая стул, – если смерть Дженет была неестественной, за четырнадцать месяцев виновный успел увериться в собственной безопасности, а когда ощущаешь себя в безопасности, теряешь бдительность. Думаю, я заеду к Морин Кросби и посмотрю, как она тратит денежки сестры.

Керман застонал.

– Похоже, короткий период безделья закончился, – произнес он печально. – Я так и знал. Это было слишком хорошо, чтобы длиться долго. Мне прямо сейчас приниматься за работу или подождать, пока ты вернешься?

– Подожди, пока я вернусь, – сказал я, направляясь к двери. – Но если у тебя назначено свидание с той «мышеловкой», передай ей, чтобы искала себе другую мышь.

2

«Крествейз», поместье Кросби, скрывалось за низкими, заросшими бугенвиллеей стенами, за которыми возвышалась подстриженная живая изгородь из казуарины, а за ней тянулась ограда из сетки-рабицы, увенчанная колючей проволокой. Тяжелые деревянные ворота с глазком в правой створке охраняли вход.

Похожих поместий, построенных вдоль Футхилл-бульвара и выходивших задворками на пустынное Хрустальное озеро, здесь было с полдюжины. Каждый участок был отделен от соседнего примерно акром нейтральной полосы, где на песчаной почве под палящим солнцем поднимались заросли кустов и дикого шалфея.

Развалившись на сиденье довоенного «бьюика» с откидным верхом, я без особого интереса разглядывал ворота. Если не считать стилизованной под свиток таблички на стене, сообщавшей имя владельца, этот дом ничем особенно не отличался от всех остальных поместий миллионеров в Оркид-Сити. Все они скрывались за неприступными стенами. Все имели высокие деревянные ворота, ограждавшие от ненужных визитеров. Все были окутаны атмосферой благоговейной тишины, а еще источали ароматы цветов и хорошо поливаемых лужаек. Хотя я не видел того, что скрывали ворота, я знал, что за ними находится обязательный роскошный бассейн, обязательный аквариум, обязательная дорожка, обсаженная рододендронами, обязательный розарий на заднем плане. Уж если у тебя имеется миллион долларов, ты обязан жить так же, как живут другие миллионеры, иначе они сочтут тебя болваном. Так было, есть и будет всегда – если у тебя имеется миллион долларов.

Похоже, никто не торопился открывать ворота, поэтому я вышел из машины и потянул за веревку колокольчика. Колокольчик был чем-то приглушен и лишь робко звякнул.

Никакой реакции не последовало. Солнце нещадно палило. Воздух прогревался все сильнее. Было слишком жарко даже для такого простого упражнения, как тянуть за веревку колокольчика. Поэтому я просто толкнул ворота, и от моего прикосновения они со скрипом приоткрылись. Я увидел перед собой лужайку, размеры которой вполне позволяли проводить на ней танковые маневры. Траву на лужайке в этом месяце не стригли, впрочем, как и месяцем ранее. Как не стригли и два длинных травянистых бордюра по бокам широкой подъездной дорожки –

ни этой весной, ни минувшей осенью. Нарциссы и тюльпаны неаккуратным коричневым узором вились между мертвыми головками пеонов. Иссохшие турецкие гвоздики выглядывали между не подвязанными к опорам дельфиниумами со спутанными стеблями. По краю лужайки торчали пучки разросшейся травы. Сквозь асфальт подъездной дорожки пробивались сорняки. Оставленная без внимания выющаяся роза истерически моталась на ветерке, который лениво задувал со стороны озера. Такой вот лишенный любви и заботы сад, и, глядя на него, я почти слышал, как старик Кросби ворочается в гробу.

На дальнем конце подъездной дорожки я видел дом: двухэтажный, построенный из ракушечника, под красной черепичной крышей, с зелеными ставнями и нависающим балконом. Окна закрыты жалюзи от солнца. На вымощенном зеленой плиткой патио ни души. Я решил пойти туда пешком, вместо того чтобы сражаться с воротами и загонять «бьюик» внутрь.

Преодолев половину поросшей сорняками асфальтовой дорожки, я натолкнулся на одну из беседок, увитых цветущей лозой. Там, в тенечке, сидели на корточках три китайца и резались в кости.

Они даже не удосужились поднять головы, когда я остановился поглазеть, точно так же, как они давным-давно не удосуживались ухаживать за садом: трое грязных бестолковых людей курили сигареты, свернутые из желтоватой бумаги, и на все в этом мире им было наплевать.

Я прошел мимо.

За следующим поворотом асфальтовой дорожки я увидел бассейн. Но не такой, какой здесь должен был быть. В нем не было воды, а в потрескавшемся кафельном полу проросли сорняки. Цементная площадка вокруг была покрыта коричневатым, выгоревшим на солнце мхом. Белый навес, который, должно быть, смотрелся довольно красиво в свое время, сорвался с креплений и теперь сварливо хлопал от ветра.

Под прямым углом к дому располагались гаражи, их двустворчатые ворота были заперты. Какой-то низкорослый парнишка в грязных фланелевых штанах, майке и шоферской фуражке сидел на солнцепеке, устроившись на бочке из-под машинного масла, и строгал деревяшку. Он бросил на меня хмурый взгляд.

– Дома есть кто? – поинтересовался я, нашаривая сигарету и закуривая.

Все это время он собирался с силами, чтобы ответить:

– Отвяжись от меня, приятель. Я занят.

– Как же, вижу, – сказал я, выпуская струйку дыма в его сторону. – Интересно было бы посмотреть, как ты отдыхаешь.

Он метко плюнул в ящик с прошлогодней геранью, которую никто не удосужился срезать на черенки, и продолжал строгать свою деревяшку. Для него я теперь превратился в часть ландшафта, до которого никому не было никакого дела.

Я сомневался, что смогу вытянуть из него полезные сведения, кроме того, было слишком жарко, чтобы тратить силы, поэтому я двинулся к дому, поднялся по широким ступеням и со всей силы нажал на кнопку звонка.

Дом был окутан кладбищенской тишиной. Пришлось долго ждать, прежде чем мне открыли. Я был не против подождать. Теперь я стоял в тени, да и сонная атмосфера этого места оказала на меня гипнотическое воздействие. Наверное, если бы я задержался здесь подольше, то тоже начал бы строгать деревяшку.

Дверь открылась, и некто, похожий на дворецкого, окинул меня таким взглядом, каким обычно смотришь на человека, вырвавшего тебя из приятного сна. Он был худой, высокий, с седыми волосами и вытянутым лицом, с близко посаженными желтоватыми глазами. На нем была полосатая черно-желтая куртка и черные брюки, выглядевшие так, словно он в них спал – наверное, он и спал, – сюртука не было, а рукава рубашки намекали на то, что стирка бы ей не повредила, но уж больно дело хлопотное.

– Да? – произнес он отстраненно и поднял брови.

– К мисс Кросби.

Я заметил, что он прячет в сложенной совком ладони зажженную сигарету.

– Мисс Кросби сейчас не принимает, – ответил он и начал закрывать дверь.

– Я ее старый друг. Меня она примет, – сказал я и выставил ногу вперед, чтобы дверь не захлопнулась. – Моя фамилия Маллой. Вы ей передайте, и сами увидите ее реакцию. Могу поспорить, она прикажет подать шампанское.

– Мисс Кросби нездорова, – произнес он бесцветным голосом, словно читая скверную роль в еще более скверной пьесе. – Она больше не принимает.

– Прямо как мисс Отис?²

Эти слова он пропустил мимо ушей.

– Я передам ей, что вы заходили. – Слуга начал закрывать дверь, но не заметил моей ноги и вздрогнул от удивления, когда понял, что дверь не затворяется.

– Кто за ней ухаживает? – спросил я, улыбаясь.

В его глазах отразилось недоумение. Жизнь его уже столько времени текла тихо и безмятежно, что он разучился справляться с чем-то из ряда вон выходящим.

– Медсестра Герни.

– В таком случае я хочу увидеть медсестру Герни, – заявил я и навалился на дверь.

Если его мышцы и были когда-нибудь крепкими, теперь они ослабли от отсутствия нагрузок, избытка сна и сигарет и частых походов в погреб. Перед моим напором дворецкий не устоял, словно юное деревцо перед бульдозером.

Я оказался в непомерно большом холле, на другом конце которого располагалась широкая лестница, поднимавшаяся на просторную полукруглую галерею, где находились жилые комнаты. Примерно на середине лестницы застыла одетая в белое фигура – медсестра.

– Все в порядке, Бенскин, – сказала она. – Я сама разберусь.

Высокий, тощий дворецкий, кажется, с радостью удалился. На прощание он бросил на меня короткий, полный недоумения взгляд, а затем по-кошачьи бесшумно пересек холл, прошел через длинный коридор и скрылся за обитой сукном дверью.

Медсестра спускалась по ступенькам не спеша, как будто сознавая, что на нее приятно смотреть, и ей это явно нравилось. Я и смотрел во все глаза. Она словно явилась из музыкальной комедии – от такой сестрички температура подскакивает каждый раз, когда ее видишь. Блондинка с алыми губами и голубыми тенями на веках, такая сексапильная штучка, настоящая симфония чувственных изгибов, такая же яркая, живая и жаркая, как пламя ацетиленовой горелки. Если ее когда-нибудь приставят ухаживать за мной, я проведу в постели остаток своих дней.

Вот она оказалась на расстоянии вытянутой руки от меня, и мне пришлось сделать изрядное усилие, чтобы не потянуть к ней руки.

По выражению ее глаз я догадался, что она сознает произведенное на меня впечатление, и мне показалось, что я заинтересовал ее не меньше, чем она меня. Длинным пальчиком с заостренным ногтем она заправила под шапочку выбившуюся кудряшку. Старательно выщипанная бровь удивленно поднялась. Тронутый алой помадой рот изогнулся в улыбке. Зелено-голубые глаза с накрашенными ресницами смотрели встревоженно и с надеждой.

– Я собирался повидаться с мисс Кросби, – сказал я. – Слышал, она нездорова.

– Так и есть. Боюсь, она настолько нездорова, что не принимает посетителей. – У медсестры оказалось глубокое контральто, от звука которого у меня завибрировало в позвоночнике.

² Аллюзия на песню Коула Портера «Miss Otis Regrets», написанную в 1934 г. Песня пародийная: дворецкий мисс Отис передает от ее имени сожаление о том, что она не сможет прийти к обеду, поскольку застрелила любовника и ее линчевали.

– Как скверно, – сказал я и окинул быстрым взглядом ее ноги. У Бетти Грейбл³ ноги, может, и получше, но не намного. – Я только что приехал в город. Я ее старинный приятель. Понятия не имел, что она так сильно больна.

– Она болеет уже несколько месяцев.

У меня сложилось впечатление, что беседа о хворах Морин Кросби не вполне соответствует нраву медсестры Герни. Это было всего лишь мое впечатление. Возможно, я ошибался, однако едва ли.

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Да, ничего серьезного. Ей просто нужно побольше отдыхать и соблюдать покой.

Если бы медсестра Герни осмелилась, она сейчас зевнула бы от скуки.

– Что ж, здесь достаточно спокойно, – сказал я и улыбнулся. – Подозреваю, для вас даже слишком спокойно?

Именно этого она и ждала. Было видно, что она уже готова рвануть с места в карьер.

– Спокойно? Да меня как будто в гробнице Тутанхамона замуровали! – воскликнула она, но затем вспомнила, что ей полагается быть сестрой милосердия в лучших традициях Флоренс Найтингейл⁴, и зарделась. – Наверное, мне не следовало так говорить, да? Это было не очень-то благопристойно.

– Вам не обязательно вести себя со мной благопристойно, – заверил я. – Я простой беззаботный парень, который становится еще проще от двойного скотча с содовой.

– О, так это очень мило.

В ее глазах застыл вопрос, и в моих она прочитала ответ. Она вдруг захихикала:

– Если вам пока нечем заняться...

– Как говорит один мой старый приятель: «Чем бы таким тогда заняться?»

Выщипанная бровь снова приподнялась.

– Думаю, я могла бы ему подсказать, если ему действительно интересно.

– Лучше подскажите мне.

– Как-нибудь подскажу. Если в самом деле хотите выпить, пойдемте. Я знаю, где спрятан скотч.

Я последовал за медсестрой Герни из холла в просторную комнату. При каждом шаге она слегка покачивала бедрами, выразительно и сознательно. Ягодицы так и перекачивались под облегающим форменным белым платьем. Я мог бы шагать за ней весь день, наблюдая за ее походкой.

– Садитесь, – предложила она, указав на козетку длиной в восемь футов. – Я сделаю вам коктейль.

– Отлично, – отозвался я, опускаясь на пружинные подушки. – Но при одном условии. Я никогда не пью один. Я в этом смысле весьма щепетилен.

– И я тоже, – сказала она.

Я наблюдал, как она извлекает из укромного уголка в якобинском буфете⁵ бутылку «Джонни Уокера», стаканы на две пинты и содовую.

³ *Элизабет Рут Грейбл* (1916–1973) – американская актриса, танцовщица и певица. Ее ноги, отличавшиеся идеальными пропорциями, были застрахованы на миллион долларов.

⁴ *Флоренс Найтингейл* (1820–1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании. Ей удалось добиться изменения подхода к лечению раненых, внедрить принципы санитарии, наладить обязательную подготовку медперсонала. После Крымской войны (1853–1856) она сделалась национальной героиней, а ее имя стало почти нарицательным как преданной делу сестры милосердия.

⁵ Якобинский стиль – стиль архитектуры и искусства, который относится ко времени правления в Англии короля Якова I (1603–1625).

– Можно было бы достать и лед, но тогда придется просить Бенскина, а мне кажется, что мы пока вполне обойдемся без Бенскина, или я не права? – спросила она, поглядывая на меня сквозь ресницы, похожие на заостренные прутья ограды.

– К черту лед, – сказал я, – и будьте осторожнее с содовой. Эта субстанция может погубить хороший виски.

Она налила в каждый стакан на три дюйма скотча и добавила по чайной ложке содовой.

– Как вам такая пропорция?

– Выглядит отлично, – подтвердил я, с готовностью протягивая руку. – Наверное, мне лучше представиться. Я Вик Маллой. Для друзей просто Вик и на «ты», а все хорошенькие блондинки входят в число моих друзей.

Медсестра Герни уселась, не потрудившись одернуть подол платья. У нее были красивые коленки.

– Ты первый гость за пять месяцев, – сказала она. – Я уже начала подумывать, не проклятое ли это место.

– Судя по виду, вполне возможно. Ты не просветишь меня по этому поводу? Когда я был в этом доме в последний раз, здесь не было и намека на запустение. Неужели больше никто здесь не работает?

Она пожала изящными плечами:

– Ты же знаешь, как бывает. Всем просто плевать.

– И насколько же плоха Морин?

Она надула губки:

– Слушай, может, поговорим о чем-нибудь еще? Мне так надоела Морин.

– Ну, не назову ее своей мечтой, – заявил я, пригубив скотч (его крепости хватило бы, чтобы прожечь дыры в шкуре бизона). – Но когда-то мы с ней были приятелями, и мне просто интересно. Что именно с ней приключилось?

Она запрокинула свою светловолосую головку, вливая в себя порцию скотча, и я обратил внимание на ее белокожую, весьма хорошенькую шейку. Судя по тому, как красotka глотала неразбавленный напиток, у нее был талант к выпивке.

– Мне не следует тебе рассказывать, – начала она и улыбнулась. – Но если ты пообещаешь никому не говорить...

– Ни словечка...

– Ее лечат от наркозависимости. Но это строго между нами.

– Скверно?

Она пожала плечами:

– Достаточно скверно.

– Ну а пока кошка лежит в постели, мышки в пляс, да?

– Примерно так. Никто сюда и не суется. Похоже, пройдет еще немало времени, прежде чем она вернется к нормальной жизни. А пока она там лезет на стены и орет до потери пульса, работники расслабляются. Разве это не справедливо?

– Несомненно, и они имеют право расслабиться.

Она прикончила свой коктейль.

– А теперь оставим Морин в покое. Мне хватает ночных дежурств и без разговоров о ней.

– Так у тебя ночные смены? Какая жалость.

– Почему? – Зеленовато-голубые глаза загорелись.

– Я подумал, как будет здорово увезти тебя отсюда на вечер и показать кое-что.

– Это еще что?

– Ну, для начала отличную коллекцию гравюр.

Она захихикала:

– Если мне и может понравиться что-то больше, чем просто гравюра, так это коллекция гравюр.

Она встала и подошла к бутылке виски. Ее бедра покачивались так, что я сделал стойку, словно охотничья собака.

– Давай освежу твой коктейль, – продолжала она. – Ты совсем не пьешь.

– Он и без того свежий. Я начинаю приходить к мысли, что есть вещи поинтереснее выпивки.

– Правда? Я так и думала, что тебя осенит. – Она плеснула виски в свой бокал и на этот раз не потрудилась добавить содовой.

– А кто заботится о Морин днем? – спросил я, когда она двинулась обратно к козетке.

– Сестра Флемминг. Тебе она не понравится. Она мужененавистница.

– В самом деле?

Она присела рядом со мной, прижавшись бедром к бедру.

– А она нас не услышит?

– Даже если бы и услышала, это не важно, но она не услышит. Она в левом крыле, которое выходит на гаражи. Морин перевели туда, когда она начала орать.

Именно это я и хотел узнать.

– К черту мужененавистниц, – заявил я, положив руку на спинку козетки у нее за плечами.

Красотка прижалась ко мне.

– А ты не мужененавистница?

– Зависит от мужчины.

Ее лицо было так близко, что я прикоснулся губами к ее виску.

Кажется, ей понравилось.

– Как тебе это для начала?

– Очень ничего.

Я забрал бокал со скотчем из ее рук и поставил на пол:

– Он мне мешает.

– Было бы жаль выливать.

– Уже скоро виски тебе пригодится.

– В самом деле?

Она прижалась ко мне, припав губами к губам. Какое-то время мы оставались в такой позе. Затем она вдруг оттолкнула меня и поднялась. На какой-то миг мне показалось, она из тех девушек, которые целуются в знак прощания, но я ошибся. Она подошла к двери и повернула ключ.

Затем она вернулась и снова села рядом со мной.

3

Я остановил «бьюик» перед зданием муниципалитета на углу Фелман-стрит и Сентр-авеню и поднялся по ступенькам в мир распечатанных бланков, тихих коридоров и престарелых младших клерков, с надеждой ждущих, когда освободится место получше.

Отдел регистрации рождений и смертей находился на первом этаже. Я заполнил бланк и протянул его через стойку рыжеволосому клерку, который поставил на бумаге штамп, взял с меня деньги и махнул тонкой рукой в сторону стеллажей с папками.

– Дальше сами, мистер Маллой, – сказал он. – Шестой стеллаж справа.

Я поблагодарил его.

– Как у вас дела? – спросил он и облокотился на стойку, готовый даром тратить время, свое и мое. – Не видел вас уже несколько месяцев.

- Я вас тоже, – сказал я. – Дела идут отлично. А у вас как? По-прежнему умирают?
- И рождаются. То на то и выходит.
- Так и есть.

Больше мне нечего было ему сказать. Я устал. Короткое общение с медсестрой Герни вымотало меня. Я направился к стеллажам. Папка с буквой «К» весила не меньше тонны, и я с трудом отнес ее на стол. И в этом тоже была виновата медсестра Герни. Я полистал страницы и спустя какое-то время нашел свидетельство о смерти Дженет Кросби. Я вынул ручку и старый конверт. Дженет Кросби скончалась от инфекционного эндокардита, что бы это ни значило, 15 мая 1948 года.

Она была занесена в реестр как незамужняя двадцати пяти лет. Свидетельство было написано доктором Джоном Бьюли. Я записал имя врача, а затем перевернул еще с дюжину страниц, пока не нашел свидетельство о смерти Макдональда Кросби. Он скончался от огнестрельного ранения в голову. Свидетельство подписали доктор Дж. Зальцер и коронер Франклин Лессуэйз. Я записал и эти имена, потом, оставив папку лежать на столе, подошел к клерку, который взирал на меня с ленивым любопытством.

– Можете поручить кому-нибудь отнести папку на место? – спросил я, навалившись на стойку. – Я не настолько силен, как мне казалось.

– Ничего страшного, мистер Маллой.

– И еще одно. Кто такой доктор Джон Бьюли и где он живет?

– У него маленький домик на Скайлайн-авеню, – ответил клерк. – Но не ходите к нему, если вам нужен хороший врач.

– А что с ним не так?

Клерк пожал плечами:

– Он просто старый. Может, лет пятьдесят назад он и был прекрасным специалистом. Но сейчас его знания кажутся допотопными. Подозреваю, он считает, что трепанация как-то связана со вскрытием консервных банок.

– А разве это не так?

Клерк засмеялся:

– Зависит от того, о чьей голове идет речь.

– Точно. Значит, он просто вышедший в тираж эскулап?

– Очень удачное определение. С другой стороны, вреда от него никакого. Сомневаюсь, что у него осталось больше дюжины пациентов. – Он почесал ухо и уставился на меня с интересом. – Так вы работаете над новым делом?

– Я никогда не работаю, – заявил я. – Еще увидимся. Пока.

Я спустился по ступенькам под нещадно палившее солнце, шагая медленно и задумчиво. Девушка с состоянием в миллион долларов внезапно умирает, а к ней вызывают пожилого врача, чьи знания допотопны. Миллионеры так не делают. Логичнее было бы, если бы к столь важной персоне бросилась целая толпа самых дорогих специалистов в городе.

Я забрался в «бьюик» и завел мотор. На другой стороне улицы, припаркованный против движения, стоял оливково-зеленый лимузин «додж». За рулем сидел мужчина в светло-коричневой шляпе, с плетеным шнурком на тулье. Мужчина читал газету. Я не обратил бы внимания ни на машину, ни на водителя, но он вскинул внезапно голову и, заметив меня, тут же забросил газету на заднее сиденье и завел мотор. Тогда я присмотрелся к нему, недоумевая, почему это он так внезапно потерял интерес к газете. Водитель показался мне крупным, с широченными, словно ворота в амбаре, плечами, с которыми как будто срослась голова, без всяких признаков шеи. У него были тоненькие, словно начерченные карандашом, черные усики, глаза скрывала тень от шляпы. Нос и одно ухо когда-то сильно пострадали в драке. Он выглядел крутым парнем, таких часто можно видеть в фильмах «Уорнер бразерс»: обычно они прикрывают спину Хамфри Богарту.

Я вывел «бьюик» в поток машин и поехал на восток по Сентр-авеню, неторопливо и то и дело поглядывая в зеркало заднего вида.

«Додж» рванулся наперерез потоку машин, идущему на запад, развернулся под гудки клаксонов и проклятия водителей и поехал за мной. Ни за что не поверил бы, что такое можно проделать посреди Сентр-авеню безнаказанно, но, очевидно, копы либо спали, либо им было слишком жарко, чтобы утруждаться.

Проезжая перекресток с Вествуд-авеню, я снова взглянул в зеркало. «Додж» висел у меня на хвосте. Я видел, что водитель вольготно развалился на сиденье, зажав в зубах манильскую сигару и выставив один локоть в открытое окно. Я чуть сбросил скорость, чтобы рассмотреть и запомнить номер машины. Если он действительно следил за мной, то делал это из рук вон плохо. Я прибавил газу на Голливуд-авеню и переключился на высшую передачу на скорости шестьдесят пять миль в час. «Додж» после секундной заминки припустил и с ревом понесся за мной. На Футхилл-бульваре я прижался к тротуару и резко остановился. «Додж» пролетел мимо. Водитель даже не взглянул в мою сторону. Он поехал дальше, к хайвею Лос-Анджелес – Сан-Франциско.

Я записал его номер на старом конверте рядом с именем доктора Бьюли и аккуратно убрал конверт в карман брюк. Затем я снова завел «бьюик» и поехал по Скайлайн-авеню. Примерно на полпути я заметил медную табличку, поблескивавшую на солнце. Она висела на низкой деревянной ограде, защищавшей маленький сад и одноэтажный дом с двумя симметричными входами, построенный из канадской сосны. Скромный, совсем маленький домик, почти лачуга на фоне ультрамодных домов, стоявших по обеим сторонам улицы.

Я подъехал ближе и высунулся из окна. Однако с такого расстояния было невозможно прочесть слова, выгравированные на табличке. Я вышел из машины и приблизился. Даже тогда расшифровать надпись оказалось непросто, но я все-таки понял, что передо мной дом доктора Джона Бьюли.

Когда я взялся за засов на воротах, оливково-зеленый «додж» прокатился по улице и скрылся. Водитель как будто и не посмотрел в мою сторону, однако я знал, что он видел меня и выяснил, к кому я иду. Я замешкался, глядя вслед проехавшей машине. Она быстро удалялась, и я потерял «додж» из виду, когда он повернул на Вествуд-авеню.

Сдвинув шляпу на затылок, я вынул пачку «Лаки страйк», закурил и сунул сигареты обратно в карман. Затем я поднял засов на воротах и шагнул на гравийную дорожку, ведущую к одноэтажному дому.

Сад был маленьким и компактным, а еще аккуратным и чистым, словно казарма перед инспекцией. Окна дома защищали от солнца желтые жалюзи, выгоревшие и давно пережившие свои лучшие времена. Парадной двери не повредило бы немного краски. То же самое относилось и ко всему дому.

Я ткнул большим пальцем в кнопку звонка и подождал. Спустя какое-то время я осознал, что кто-то изучает меня, скрытый жалюзи. Я ничего не мог поделать, оставалось лишь придать лицу приятное выражение и ждать. Я придал лицу приятное выражение и принялся ждать.

Когда я уже подумал, не позвонить ли мне еще раз, до меня донесся шорох – так мышь шуршит за стеной, – и дверь открылась.

Женщина, глядевшая на меня, была худенькой, маленькой и похожей на птичку. На ней было платье из черного шелка, которое могло быть модным лет пятьдесят назад при условии, что вы живете в уединении и никто не пришлет вам номера «Вог». Ее худое старческое лицо было усталым и обессиленным, а глаза говорили мне, что в ее жизни было не особенно много радостей.

– Дома ли доктор? – спросил я и приподнял шляпу, понимая, что если кто и ценит хорошие манеры, так это она.

– Ну да. – Голос тоже звучал обессиленно. – Он в саду за домом. Я его позову.

– Не стоит утруждаться. Я лучше пройду к нему сам. Я не пациент. Просто хотел кое о чем его спросить.

– Хорошо.

Надежда, которая зажглась было в ее глазах, потухла. Не пациент. Гонорара не будет. Просто пышущий здоровьем молодой болван с каким-то вопросом.

– Но вы ведь не задержите его надолго? Он не любит, когда его беспокоят.

– Я не задержу его.

Я приподнял шляпу и поклонился с надеждой, что именно так мужчины и кланялись ей в ее лучшие дни, и снова ступил на садовую дорожку. Она закрыла входную дверь. Спустя миг я заметил ее тень, когда она принялась разглядывать меня, скрытая жалюзи на окнах.

Я пошел по дорожке, огибавшей одноэтажный дом и ведущей в сад. Док Бьюли, может, и не был великолепным целителем, зато он был выдающимся садовником, и я подумал, что на его сад стоило бы взглянуть трем горе-садоводам Кросби. Вероятно, они пережили бы потрясение.

В глубине сада, рядом с громадным кустом георгины, стоял высокий человек в белом пиджаке из альпаки, в желтой панаме, желтовато-белых брюках и резиновых штиблетах. Он смотрел на георгину так, как доктор, заглядывающий пациенту в горло, когда тот говорит: «А-а-а», только явно с бóльшим интересом.

Когда я был в нескольких футах от него, он резко вскинул голову. Лицо у него было морщинистое и иссохшее, несколько напоминавшее черносливинку, а из ушей торчали пучки жестких седых волос. Лицо не то чтобы благородное или умное, а просто лицо очень старого человека, довольного самим собой, у которого нет особых запросов, которому уже на все наплевать, и пусть он не отличается остротой ума, зато не намерен сдаваться.

– Добрый день, – сказал я. – Надеюсь, я вас не побеспокоил.

– Приемные часы с пяти до семи, молодой человек, – проговорил он так тихо, что я едва расслышал его. – Сейчас я не могу вас осмотреть.

– Я не за профессиональной помощью, – сказал я, глядя через его плечо на георгину. Цветок был прекрасен: восемь дюймов в диаметре, если оценивать в дюймах, и безупречен. – Моя фамилия Маллой. Я старинный друг Дженет Кросби.

Он осторожно коснулся головки георгины пальцами с утолщенными суставами.

– Кого? – переспросил он невнятно и без всякого интереса – просто туповатый старик с цветком.

– Дженет Кросби, – повторил я.

На солнце было жарко, а от гудения пчел и запаха всех этих цветов я и сам сделался туповатым.

– А что с ней?

– Вы подписали свидетельство о ее смерти.

Он оторвал взгляд от георгины и посмотрел на меня.

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Виктор Маллой. Меня несколько беспокоит смерть мисс Кросби.

– А почему это вас беспокоит? – спросил он, и в его глазах мелькнула тревога.

Он сознавал, что стар, туповат и рассеян. Он понимал, что, продолжая медицинскую практику в преклонном возрасте, рискует рано или поздно совершить ошибку. И он решил, что я сейчас собираюсь обвинить его в ошибке, – я это видел.

– Да, понимаете ли, – начал я мягко, не собираясь его пугать, – я уезжал на три-четыре года. Дженет Кросби – моя старинная подруга. И я понятия не имел, что у нее больное сердце. Я был потрясен, услышав, что она вот так ушла из жизни. И я хочу убедиться, что тут нет никакой ошибки.

Мускул у него на лице дернулся. Ноздри раздулись.

– Что вы хотите сказать, какая ошибка? Она скончалась от инфекционного эндокардита. Симптомы были совершенно определенные. Кроме того, там был доктор Зальцер. Не было никакой ошибки. Я вообще не понимаю, о чем вы.

– Что ж, рад это слышать. А что такое этот инфекционный эндокардит?

Он беспомощно сморщился, и в какой-то миг мне показалось, что он сейчас скажет: «Не знаю», однако он взял себя в руки, напряг старческую, слабую память и проговорил медленно, словно представив перед мысленным взором страницу медицинского словаря:

– Это прогрессирующая микробная инфекция сердечных клапанов. Фрагменты изъязвленных клапанов разнеслись с кровотоком по всему организму. У нее не было ни одного шанса. Даже если бы меня позвали раньше, я ничего не смог бы сделать.

– Именно это меня и беспокоит, док, – сказал я и улыбнулся так, чтобы он понял: я на его стороне. – Зачем же позвали вас? Вы же не были ее лечащим врачом, верно?

– Нет, конечно, – ответил он почти сердито. – Но позвать меня было вполне оправданно. Я живу неподалеку. А доктору Зальцеру было бы неэтично выписывать свидетельство о смерти.

– А кто такой доктор Зальцер?

Он снова посмотрел беспомощно, и его пальцы жадно потянулись к георгине. Старик хотел бы, чтобы его оставили в покое и позволили его разуму дремать, мирно созерцая цветы, и чтобы какой-то головорез вроде меня, который впустую отнимает время, не беспокоил бы его.

– Он держит одну из клиник для людей с зависимостями, прямо по соседству с поместьем Кросби, – сообщил он наконец. – Он друг семьи. И в его положении было бы неэтично самому выписывать свидетельство о смерти. Он ведь не является квалифицированным практикующим врачом. Я был весьма польщен, когда меня попросили о помощи.

Это я мог себе представить. Интересно, сколько они ему заплатили?

– Послушайте, док, – сказал я. – Я хотел бы все прояснить. Я пытался увидеться с Морин Кросби, однако она нездорова. Я уже уезжаю из города, но, прежде чем уехать, я хочу, чтобы у меня сложилась полная картина. Насколько я понял, Дженет умерла скоропостижно. Вы говорите, что у нее были проблемы с сердцем. Что же произошло? Вы были там, когда она умирала?

– Да нет же, – сказал он, и тревога снова промелькнула в его тусклых глазах. – Я приехал примерно через полчаса после ее смерти. Она скончалась во сне. Симптомы определялись ясно. Доктор Зальцер рассказал мне, что она уже несколько месяцев страдала от этой болезни. Он занимался ее лечением. В подобных случаях никто не в силах помочь, остается только соблюдать покой. Я не понимаю, почему вы задаете так много вопросов. – Он с надеждой взглянул на дом – не позовет ли его жена. Она не позвала.

– Только так я смогу успокоиться, – пояснил я, снова улыбаясь ему. – Вы приехали в дом, и Зальцер уже был там. Верно?

Он кивнул, с каждой секундой тревожась все сильнее.

– Был там кто-нибудь еще?

– Мисс Кросби. Младшая. Она была в доме.

– Морин?

– Кажется, так ее зовут.

– И Зальцер провел вас в комнату Дженет? А Морин тоже пошла с вами?

– Да. Они оба вошли со мной в комнату. Юная леди, кажется, была сильно расстроена. Она плакала. – Он потрогал георгину. – Наверное, следовало сделать вскрытие, – произнес он внезапно. – Но уверяю вас, в том не было необходимости. Инфекционный эндокардит узнается безошибочно. Нужно ведь думать и о чувствах тех, кто остался.

– И все же спустя четырнадцать месяцев вы склоняетесь к мысли, что стоило провести вскрытие? – Я чуть добавил резкости в голосе.

– Строго говоря, его следовало провести, поскольку ее лечил доктор Зальцер, а он, как он сам мне объяснил, доктор наук, а не медицины. Хотя симптомы...

– Да-да... узнавались безошибочно. Еще одно, доктор. Вы прежде встречались с Дженет Кросби? Я имею в виду, до того, как она умерла?

Он смотрел с подозрением, гадая, не заманиваю ли я его в какую-то ловушку.

– Я видел, как она проезжала в машине, но не разговаривал с ней.

– И расстояние было недостаточно близким, чтобы заметить симптомы сердечного заболевания?

Он заморгал:

– Не понимаю.

– Насколько я уловил, она страдала от этой болезни несколько месяцев. Вы говорите, что видели ее в машине. Как давно это было, когда вы ее видели? За сколько месяцев до смерти?

– За месяц, может, за два. Не помню.

– Я вот что пытаюсь уяснить, – терпеливо продолжал я, – симптомы при этой болезни уже проявились бы, вы смогли бы узнать их, если бы увидели девушку незадолго до смерти?

– Не думаю.

– И тем не менее симптомы узнаются... безошибочно?

Он облизнул тонкие губы.

– Я действительно не понимаю, о чем вы говорите, – сказал он и начал пятиться назад. – Я больше не могу тратить на вас свое время. Оно дорого. Я вынужден попросить вас меня извинить.

– Все в порядке, док, – сказал я. – Что ж, спасибо. Простите, что отвлек вас. Но вы же понимаете, как это бывает. Я всего лишь хотел успокоиться. Мне нравилась эта девушка.

Он ничего не ответил. Но продолжал отступать к своим клумбам с розами.

– Только еще одно, док, – сказал я. – Как получилось, что свидетельство о смерти Макдональда Кросби, когда тот случайно застрелил себя, подписывал доктор Зальцер? Разве этично, что это сделал неквалифицированный шарлатан?

Он посмотрел на меня так, как купающийся смотрит на большого паука, упавшего в ванну.

– Не беспокойте меня, – проговорил он дрожащим голосом. – Спросите его, а меня не беспокойте.

– Да, – согласился я. – Это хорошая идея. Спасибо вам, док. Я спрошу.

Он повернулся и двинулся по дорожке к своим розам. Со спины он выглядел даже старше, чем на самом деле. Я посмотрел, как он поднимает с земли увядшую розу, и заметил, что рука у него сильно дрожит. Боюсь, я испортил ему этот день.

Маленькая, похожая на птичку женщина в надежде застыла на крыльце дома, когда я двинулся в обратный путь. Она сделала вид, что не замечает меня.

– Боюсь, я отнял у доктора слишком много времени, – произнес я, приподнимая шляпу. – Он сказал мне, что оно дорого стоит. Пять долларов покроют ущерб?

Усталые глаза засияли. Худое личико оживилось.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказала она и украдкой бросила взгляд на сад, где маячила желтая панاما ее мужа.

Я сунул банкноту ей в руку. Бумажка исчезла, как исчезает муха на языке у ящерицы. У меня промелькнула мысль, что старик, копошившийся в глубине сада, вряд ли увидит эти деньги. По крайней мере, его жене я день не испортил.

4

Я распахнул дверь своего кабинета и прошествовал внутрь. Джек Керман дремал в кресле у окна. Паула сидела за моим столом, работая с одним из своих многочисленных каталогов – каталогов, благодаря которым мы держали руку на пульсе и знали, кто есть кто в Оркид-Сити, кто сейчас в городе, а кто покинул его, кто на ком женился и так далее. Хотя у Паулы было четыре помощницы, которые постоянно занимались картотекой, она лично обновляла ключевые карточки.

Паула вышла из-за стола, когда я метнул свою шляпу Керману, разбудив его. Он испуганно буркнул что-то, потер глаза и зевнул.

– Ну и как оно... работать? – поинтересовался он. – Или ты еще не начинал?

– Я начал, – ответил я, уселся, потянулся за сигаретой, закурил и принялся рассказывать о своих подвигах.

Я выложил им все подробности и молчал только о приятных минутах, проведенных с медсестрой Герни. Я понимал, что Паула такое не одобрит, а Керман так разволнуется, что не сможет рассуждать здраво.

– Не особенно много, – заключил я, – но все-таки продолжить стоит. Может, во всем этом и нет ничего криминального, а может – есть. Если есть, то чем меньше шума, тем лучше. Не нужно, чтобы кто-нибудь пронюхал о расследовании.

– Но если тот тип на «додже» следил за тобой, то, похоже, кто-то уже пронюхал, – заметил Керман.

– Да, но полной уверенности у нас нет. Может, его заинтересовала моя физиономия? Может, он учится детективной работе?

Я потянулся к телефону.

– Соедините с управлением полиции, – попросил я телефонистку.

– Ты запомнил его номер? – спросила Паула, перебирая карточки каталога.

– Как раз проверяю, – сказал я. – Дайте мне лейтенанта Мифлина, – продолжал я, когда чей-то голос без энтузиазма объявил, что на проводе управление полиции.

На линии раздался щелчок, а потом я услышал голос Мифлина:

– Алло?

Тим Мифлин – отличный, крутой коп, и мы время от времени работали вместе.

Иногда я помогал ему, иногда он помогал мне. Он с большим уважением относился к моей интуиции, когда делал ставки на скачках, и, следуя моим подсказкам, сумел скопить некоторую сумму.

– Это Маллой, – назвался я. – Как поживаешь, Тим?

– Тебе-то какая разница? – огрызнулся он. – Никогда тебя не интересовало мое здоровье и вряд ли заинтересует. Говори прямо, что тебе понадобилось на этот раз?

– Кому принадлежит оливково-зеленый «додж», регистрационный номер OR3345?

– С ума сойти, как ты используешь управление полиции для личного обогащения, – сказал Мифлин. – Если Брендон когда-нибудь узнает, чем я ради тебя занимаюсь, он мне шею свернет.

– Ну, я ему не скажу, так что все зависит от тебя, – усмехнулся я. – Кстати, о личном обогащении. Если хочешь сорвать куш, ставь последнюю рубашку на победу Дикого Яблока. Завтра, в половине пятого.

– Неужели последнюю рубашку?

– Я так и сделаю. Продай дом, заложи жену, обчисти сейф Брендона. Дело верное. Два к шести. Единственное, что может остановить эту лошадь, – если ее кто-нибудь пристрелит.

– Может, кто и пристрелит, – протянул Мифлин, как всегда, чрезмерно осторожничая. – Хотя, если ты так говоришь...

– Самая верная ставка в твоей жизни. Так как насчет номера?

– Конечно, конечно. Подожди. Получишь через десять секунд.

Пока я дожидался, Джек Керман деловито принялся накручивать диск другого телефона.

– И что это ты задумал? – спросил я.

– Звоню своему букмекеру. Насчет Дикого Яблока – звучит многообещающе.

– Забудь. Я просто пересказал ему то, что сообщили мне. Достаточно надежно, чтобы дать наводку копу, но не другу.

Керман бросил трубку, как будто она его укусила.

– А вдруг он продаст дом и заложит жену? Ты же знаешь, как он помешан на скачках.

– Ты когда-нибудь видел его дом и его жену? А вот я видел. Он мне потом только спасибо скажет. – Когда голос Мифлина снова зазвучал на линии, я спросил: – Ну, что ты узнал?

– Ты сказал, OR3345?

– Ага.

– Машина зарегистрирована на имя Джонатана Зальцера, клиника на Футхилл-бульваре.

Это ты хотел узнать?

Я постарался не выдать голосом своего волнения.

– Возможно. А кто этот Зальцер? Ты знаешь о нем что-нибудь?

– Не много. Он держит клинику для наркоманов. А если у тебя заболит брюхо, он накачает тебя фруктовыми соками и даст настояться. Дела у него идут хорошо.

– И ничего подозрительного?

– Да боже упаси! Зачем ему браться за что-то подозрительное? Он и без того деньги гребет лопатой!

– Хорошо, спасибо, Тим.

– Так ты уверен насчет той лошади?

– Разумеется, уверен, – сказал я, подмигивая Керману. – Ставь на нее последнюю рубашу.

– Ладно, поставлю пять баксов, но не больше.

Я повесил трубку.

– Пять баксов! Тоже мне, азартный игрок!

– Значит, это машина Зальцера? – уточнил Керман.

Я кивнул.

– Возможно, мы действительно нащупали то, что нужно. – Я посмотрел на Паулу. – У тебя есть что-нибудь на Зальцера?

– Сейчас поищу. – Она положила передо мной одну карточку. – Вот это может тебя заинтересовать. И это вся информация, какая у нас имеется на Дженет Кросби.

Я пробежал текст глазами, пока Паула отправилась в комнату с каталогом, куда попасть можно было только из приемной.

– Танцы, теннис и гольф, – произнес я, поглядев через стол на Кермана. – Как-то не похоже на человека с болезнями сердца. Ближайшие друзья – Джоан Парметта и Дуглас Шеррил. Пару лет назад она была помолвлена с Шеррилом, однако разорвала помолвку. Причины не указаны. Кстати, кто этот Шеррил?

– Никогда о таком не слышал. Хочешь, чтобы я выяснил?

– Было бы очень неплохо, если бы ты съездил и посмотрел на эту девицу, Джоан Парметту, и на Шеррила. Скажи им, что ты старинный приятель Дженет еще по Сан-Франциско. Тебе придется выяснить кое-какие подробности ее жизни, чтобы не проколоться. Паула тебе поможет. Джек, лично мне важно знать их реакцию на то, что она умерла из-за проблем с сердцем. Возможно, сердце у нее действительно было больное, но если это не так, тогда нам в самом деле есть над чем работать.

– Ладно, – сказал Керман.

Вернулась Паула.

– Ничего существенного, – сообщила она. – Зальцер открыл свою клинику в тысяча девятьсот сороковом году. Роскошное заведение. Двести долларов за неделю пребывания.

– Недурная прибыль, – позавидовал я.

– Некоторые люди просто сумасшедшие. Подумать только, платить такие деньжищи за стакан фруктового сока, – в ужасе проговорил Керман. – Сдается мне, нам тоже стоит открыть подобное заведение.

– И это все?

– Он женат. Свободно говорит по-французски и по-немецки. Имеет степень доктора наук. Никаких увлечений. Детей тоже нет. Сейчас ему пятьдесят три, – сообщила Паула, прочитав сведения с карточки. – Это все, Вик.

– Ладно, – сказал я, поднимаясь из-за стола. – Помоги Джеку, ладно? Ему предстоит запудрить мозги друзьям Дженет – Парметте и Шеррилу. А я спущусь поболтать с мамашей Бендикс. Хочу выяснить кое-что о прислуге Кросби. Тот дворецкий показался мне каким-то липовым. Может, она подыщет ему другую работу.

5

С первого взгляда, и, если на то пошло, со второго тоже, миссис Марту Бендикс, исполнительного директора агентства по найму обслуживающего персонала, можно запросто принять за мужчину – крупная, широкоплечая, коротко стриженные волосы, мужской твидовый пиджак, рубашка и галстук. И только когда Марта поднимается и выходит из-за стола, вы с удивлением видите на ней твидовую юбку, шелковые чулки и тяжелые полуботинки. Марта Бендикс на редкость дружелюбная особа, и, если вы неосторожно оказываетесь в пределах ее досягаемости, она принимается хлопать вас по спине с таким энтузиазмом, что потом вас мутит еще часа два-три. А еще ее оглушительный смех походит на грохот двенадцатизарядного дробовика, и вы буквально подсакиваете от неожиданности, если она вдруг начинает хохотать. Жить с такой женщиной я лично не хотел бы, зато Марта – добрая душа, легко дает деньги в долг, и ее куда больше интересуют дерганные хрупкие блондиночки, чем крупные парни вроде меня.

Робкая девица с каким-то кроличьим личиком проводила меня в бежево-зеленый кабинет миссис Бендикс и попятилась от меня подальше, словно я был полон недобрых намерений; миссис Бендикс девица едва заметно улыбнулась украдкой, и это могло что-то значить, а могло и не значить ничего, в зависимости от вашей собственной испорченности.

– Заходи, Вик, – прогрохотала миссис Бендикс, сидя за своим заваленным бумагами столом. – Присаживайся. Давненько тебя не видела. Чем ты занимался все это время?

Я присел и улыбнулся ей.

– То одним, то другим, – ответил я. – Перебивался с хлеба на воду. Я пришел с просьбой о помощи, Марта. Тебе доводилось вести дела с семейством Кросби?

– Да, только не очень долго. – Она подалась ко мне и выставила на стол бутылку скотча и два стакана и насыпала полдюжины кофейных зерен. – Хлопнем по-быстрому, – продолжала она. – Не хочу шокировать Мэри. Она не одобряет алкоголь в рабочее время.

– Мэри – это та с кроличьими зубами?

– Не обращай внимания на зубы. Кусать тебя она не станет. – Миссис Бендикс придвинула мне стакан, до половины наполненный виски, и три кофейных зернышка. – Ты имеешь в виду Кросби с Футхилл-бульвара?

Я подтвердил, что имею в виду Кросби с Футхилл-бульвара.

– Как-то я работала с их семейством, но с тех пор ни разу. Это было лет шесть назад. Я тогда подобрала им полный штат прислуги. После того как умерла Дженет Кросби, они рассчитали весь прежний персонал и набрали новых, но за этими новыми ко мне они не обращались.

Я пригубил скотч. Он был мягкий, приятный на вкус и весьма качественный.

– Ты хочешь сказать, они всех выгнали?

– Именно это я и сказала.

– И что теперь с этими людьми?

– Я пристроила их в другие места.

Я обдумал ее слова.

– Слушай, Марта, только это между нами и еще кофейными зернами. Я пытаюсь выяснить причины смерти Дженет. Я получил информацию, и возможно, она верная, а может, и нет. Я не совсем уверен, что Дженет умерла от сердечной недостаточности. Мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь из прежних слуг. Возможно, они замечали что-то. Вот, например, дворецкий. Кто там служил?

– Джон Стивенс, – ответила миссис Бендикс после секундного размышления.

Она допила виски, забросила в рот три кофейных зернышка, убрала свой стакан и бутылку с глаз долой и нажала большим пальцем на кнопку в столе. Похожая на кролика девица просочилась в кабинет.

– Где сейчас работает Джон Стивенс, милочка?

«Крольчиха» сказала, что выяснит. Спустя пару минут она вернулась и сообщила, что Стивенс работает у Грегори Уэйнрайта, поместье «Хиллсайд», Джефферсон-авеню.

– А что с личной горничной? Где она теперь? – спросил я.

Миссис Бендикс сделала знак Мэри, чтобы та шла работать, и когда девица вышла, Марта взорвалась:

– Эта сучка? Она больше нигде не работает, и я не помогу ей, даже если она приползет ко мне на коленях.

– А в чем дело? – спросил я, с надеждой пододвигая к ней свой опустевший стакан. – Будь другом, Марта. Одна порция – ни то ни се для таких крепких парней, как мы с тобой.

Миссис Бендикс хмыкнула, снова вытащила бутылку и налила еще.

– Так в чем дело? – повторил я, когда мы отсалютовали друг другу бокалами.

– Она скверная, – сказала миссис Бендикс и нахмурилась. – Просто тунеядка.

– Мы с тобой ничего не перепутали? Я спрашивал о горничной Дженет Кросби.

– О ней и речь, – подтвердила миссис Бендикс и отправила в рот еще три кофейных зернышка. – Эвдора Дрю. Так ее зовут. Она просто чокнулась. Мне нужна была надежная горничная для миссис Рэндольф Плейфэр. Я взяла на себя труд связаться с Дрю и сообщила ей, что есть хорошее место. Она пожелала мне провалиться в сортир. Милые манеры, правда? Она заявила, что больше не собирается нигде работать, и, если одной выгребной ямы мне мало, она готова выкопать еще. – Миссис Бендикс мрачно задумалась над этим оскорблением. – Какое-то время мне казалось, что она хорошая, умная девушка. Это лишь доказывает, что доверять им можно только до тех пор, пока в твоей власти вышвырнуть их. Могу поспорить, ее содержит какой-нибудь мужчина. У нее бунгало в Корал-Гейблс, и живет с шиком.

– Где именно в Корал-Гейблс?

– На авеню Монте-Верде. Тебе это интересно?

– Возможно. А что случилось с остальным персоналом?

– Я всех пристроила. Могу дать тебе адреса, если понадобится.

Я допил виски.

– Не исключено, что понадобится. Я дам тебе знать. А как скоро после смерти Дженет эту Дрю выставили на улицу?

– На следующий же день. Всю прислугу уволили, не дожидаясь похорон.

Я пожевал кофейное зернышко.

– Причину назвали?

– Морин Кросби уезжала куда-то на пару месяцев. Дом был заперт.

– А это считается нормальным – увольнять прислугу, если уезжаешь на пару месяцев?

– Естественно, это ненормально.

– Расскажи мне подробнее об этой Дрю.

– Ну и вопросы у тебя, – произнесла миссис Бендикс со вздохом. – Дай-ка сюда стакан, захочешь еще – скажешь.

Я ответил, что больше не захочу, наблюдая, как она прячет скотч и оба стакана.

Затем Марта снова ткнула большим пальцем в кнопку звонка.

Пришла «крольчиха» и одарила начальницу еще одной застенчивой улыбкой.

– Найди-ка мне карточку Эвдоры Дрю, милочка, – попросила миссис Бендикс. – Хочу на нее взглянуть.

Спустя некоторое время Мэри вернулась с карточкой. Она передала ее миссис Бендикс с таким лицом, с каким полная обожания девочка-подросток протянула бы букет Фрэнку Синатре.

Когда она вышла, миссис Бендикс сказала:

– Не знаю, это ли тебе нужно. Возраст: двадцать восемь лет. Домашний адрес: Кармель, Келси-стрит, две тысячи двести сорок три. Три года проработала у миссис Франклин Ламберт. Отличные рекомендации. Служила горничной у Дженет Кросби с июля тысяча девятьсот сорок третьего года. Это полезная информация?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Возможно. Наверное, мне стоит поехать и поговорить с ней. Почему ты решила, что ее содержит какой-то мужчина?

– А откуда у нее деньги? Она же не работает. Значит, либо мужчина, либо несколько мужчин.

– Может, Дженет Кросби оставила ей какое-то наследство.

Миссис Бендикс удивленно вскинула густые брови:

– Это как-то не приходило мне в голову. А она, конечно, могла. Да, если подумать, это не исключено.

– Ладно, хорошо, – сказал я, поднимаясь. – Спасибо за угощение. Заходи как-нибудь и ты к нам для разнообразия. У нас тоже имеется выпивка.

– Только не я к вам, – твердо ответила миссис Бендикс. – Эта ваша Бенсинджер меня не одобряет. Я вижу это по ее глазам.

Я ухмыльнулся:

– Меня она тоже не одобряет. Только я не обращаю на это внимания. И ты не обращаешь.

– Да я и не обращаю. А ты, Вик, не лги самому себе. Эта девушка в тебя влюблена.

Я обдумал ее слова, затем помотал головой.

– Ты ошибаешься. Она ни в кого не влюблена. Она не из тех, кто влюбляется.

Миссис Бендикс поджала губы, а затем громко и неприлично фыркнула.

6

Корал-Гейблс – это окраина Оркид-Сити, трущобы, выросшие вокруг гавани. Здесь ведется добыча губок, торгуют рыбой и черепахами, а также обретаются всякие темные личности. В порту всем заправляет бар «Дельмонико», самое опасное заведение на побережье, где три-четыре потасовки за вечер считаются нормой, а женщины зачастую ведут себя покруче мужчин.

Монте-Верде-авеню находится в глубине района Корал-Гейблс: широкое, ничем не примечательное шоссе, застроенное по обеим сторонам домишками, более-менее выдержанными в едином стиле. Возможно, этот район и получше, чем Корал-Гейблс, но не намного. Большинство коттеджей снимают профессиональные игроки, дамы легкого поведения, франтова-того вида молодчики, которые днем слоняются в порту, а с наступлением темноты занимаются своими делишками, а также любители тотализатора с подружками-красотками. Единственный двухэтажный дом на шоссе принадлежит Джо Бетилло, владельцу похоронного бюро и балъзамировщику, гробовщику, специалисту по подпольным абортam, а также по ножевым и пулевым ранениям.

Я проехал на своем «бьюике» три четверти шоссе, пока не оказался у коттеджа Эвдоры Дрю, стоявшего по правую сторону. Это был бело-голубой деревянный домик на пять спален. Перед домом была лужайка, довольно большая, чтобы поиграть на ней в китайские шашки, а в кадках по обеим сторонам от входной двери росли печального вида гортензии.

Я прошел в невысокую деревянную калитку и постучал в дверь маленькой медной колотушкой, которую не чистили уже несколько месяцев.

Я ждал секунд десять, не больше, а затем дверь резко распахнулась. На меня смотрела, с подозрением прищуриваясь слегка покрасневшими глазами, полная молодая женщина с узлом темных волос, собранных на затылке, одетая в серо-зеленые брюки и белую шелковую блузу. Женщина была не из тех, кого называют красотками, но в ней чувствовалась неуловимая животная привлекательность, заставляющая мужчин взглянуть на нее во второй, а некоторых даже в третий раз.

Не успел я раскрыть рта, как она заговорила сама.

– Поберегите дышалку, если собираетесь что-нибудь продавать, – посоветовала она. Голос у нее был хоть мелодичнее грохота жестянки по ступеням, но самую малость. – Я никогда не покупаю у коммивояжеров.

– Вам стоит написать это на калитке, – жизнерадостно отозвался я. – Представляете, сколько времени это сэкономит? А вы мисс Дрю?

– Вам-то какая разница, кто я?

– У меня дело к мисс Дрю, – терпеливо пояснил я. – Важное дело.

– Кто вы?

– Я Вик Маллой. И я старый друг Дженет Кросби.

Мускул над ее верхней губой дернулся, но в целом не последовало никакой реакции.

– И что с того?

– Так вы мисс Дрю или нет?

– Да. Что дальше?

– Я надеялся, что вы поможете мне, – сказал я, упираясь рукой о стену и прижимаясь к ней щекой. – Дело в том, что причина смерти мисс Кросби кажется мне не вполне убедительной.

На этот раз в глазах мисс Дрю отразилась настороженность.

– Решили покопаться в древней истории? Она ведь уже давно умерла. В любом случае мне ничего об этом не известно.

– Вы были там, когда она умерла?

Она взялась за ручку двери и потянула на себя.

– Говорю же вам, мне ничего об этом не известно и у меня нет времени на ерунду, которая никак меня не касается.

Я всматривался в суровое, полное подозрительности лицо.

– Мисс Дрю, знаете, что не издает ни звука, но слышно на милю вокруг? – поинтересовался я, многозначительно ей улыбаясь.

– Вы чокнутый, что ли?

– А некоторые слышат это даже за две мили. Угадаете?

Она раздраженно пожала своими крепкими плечами.

– Ну хорошо, сдаюсь. Что это?

– Стодолларовая купюра, сложенная пополам и аккуратно зажатая двумя пальцами.

Угрюмость слетела с ее лица, она перестала прищуриваться.

– Неужели я так выгляжу, как будто нуждаюсь в ста долларах? – насмешливо спросила мисс Дрю.

– Даже Пирпонт Морган⁶ не отказался бы от ста долларов, – заявил я. – Впрочем, я могу поднять ставку, если услышу что-нибудь стоящее.

Она явно крепко задумалась. По крайней мере, теперь мы говорили на одном языке. Мисс Дрю смотрела мимо меня, мысленно уйдя в мир долларовых значков и тайн. Вдруг она улыбнулась, почти ухмыльнулась, но не мне, а мысли, только что пришедшей ей в голову.

– С чего вы решили, что в ее смерти есть что-то подозрительное? – спросила она резко и снова уставилась на меня.

– Я не сказал, что в ее смерти есть что-то подозрительное. Я сказал, что причина смерти кажется мне не вполне убедительной. И я не стану делать окончательных выводов, пока не переговорю с теми людьми, которые были рядом с Дженет в момент смерти. Вы замечали, что она страдает от болезни сердца?

– Это было уже давно, мистер, – сказала мисс Дрю и ухмыльнулась. – У меня дырявая память на такие вещи. Может, если вы заглянете ко мне часов в девять вечера, я успею вспомнить, но нет смысла брать с собой всего сто долларов. Я теперь большая девочка, и у меня большие потребности.

– Насколько большие? – вежливо уточнил я.

– Ближе к пяти сотням. Ради пятисот долларов я готова напрячь память, но ни центом меньше.

Я сделал вид, будто обдумываю ее предложение.

– Тогда в девять вечера? – уточнил я.

– Около того.

– Но я не стану выкладывать такие деньги, пока не буду уверен, что информация того стоит.

– Если мне удастся оживить свою память, – заявила она, – то вполне возможно, что информация окажется стоящей.

– В таком случае увидимся в девять.

– И приносите деньги, мистер. Хочу видеть наличные.

– Конечно. Надеюсь, что это начало прекрасной дружбы⁷.

Она окинула меня долгим, задумчивым взглядом, а затем захлопнула дверь у меня перед носом. Я медленно прошел по дорожке, миновал калитку и сел в «бьюик».

«Почему в девять вечера? – недоумевал я, заводя мотор. – Почему не прямо сейчас? Деньги играют не последнюю роль, но откуда ей знать, что эти пять сотен не лежат у меня в кармане прямо сейчас? А она не спросила. Ушлая, сообразительная девица, девица, которая знает ответы на все вопросы и способна сложить четыре и четыре так, чтобы получить при этом девять».

Я погнал «бьюик» по улице с такой скоростью, что стрелка спидометра первую сотню ярдов показывала больше семидесяти. В конце улицы я ударил по тормозам и повернул на Бич-роуд, обеспечив престарелому господину на перекрестке все виды сердечных болезней.

⁶ Джон Пирпонт Морган (1837–1913) – американский предприниматель, банкир и финансист, который также занимался коллекционированием разных произведений искусства и меценатством.

⁷ Популярная цитата из фильма «Касабланка» (1942).

Выровняв машину, которую успело занести, я поехал дальше, пока не увидел аптеку. Я остановил машину и кинулся к телефонной будке.

Паула сняла трубку после второго гудка.

– «Юниверсал сервисес», – произнесла она мягко и вежливо. – Добрый вечер!

– Это твой старый приятель Вик Маллой звонит из аптеки в Корал-Гейблс. Хватай машину, ясноглазая, и дуй сюда. Мы с тобой будем держаться за руки и заниматься любовью. Как тебе такое?

Повисла короткая пауза. Дорого бы я дал, чтобы увидеть сейчас выражение ее лица.

– Где именно ты находишься? – уточнила Паула таким равнодушным тоном, как будто я спросил у нее, который час.

– Бич-роуд. Приезжай как можно быстрее, – сказал я, вешая трубку.

Я оставил «бьюик» перед аптекой и прошел до угла Бич-роуд пешком. Отсюда мне был виден коттедж Эвдоры Дрю. Я подпер собой фонарный столб и не спускал глаз с ее калитки.

В девять часов. Впереди три часа ожидания, и я пожалел, что не попросил Паулу прихватить скотч и сэндвичи, которые помогли бы мне скоротать время.

Следующие двадцать минут я стоял на том же месте, не сводя глаз с коттеджа. Никто не выходил. Никто не входил. Из других домов время от времени появлялись крутого вида парни, которые либо уходили, либо уезжали куда-то. Из соседнего коттеджа вышли три девицы, все блондинки, все с резкими голосами, и прошли по тротуару мимо меня, покачивая бедрами и бросая зазывные взгляды на всех встречаемых мужчин. Проходя мимо, они посмотрели и на меня, но я наблюдал за коттеджем.

«Миленькое соседство, – подумал я. – Секретарь миссис Бендикс точно не стала бы ходить по этим тротуарам».

Симпатичная двухместная машина Паулы вывернула с Принсес-стрит и направилась в мою сторону.

Машина остановилась, дверца распахнулась. Паула выглядела очень элегантной и слегка официальной в своем сером костюме с иголки. Она была без шляпки, ее карие глаза смотрели на меня вопросительно.

– Куда теперь? – спросила она, когда я устроился рядом с ней.

– Поезжай вперед медленно и аккуратно, на повороте остановись. Эвдора живет вон там, в бело-голубом доме справа, – сказал я, когда машина тронулась с места, и вкратце рассказал Пауле обо всем, что случилось. – Мне показалось, она хочет с кем-то связаться, – заключил я. – Может, я заблуждаюсь, но мне кажется, что ближайшие пару часов стоит понаблюдать за ее домом. А единственный способ не привлекать внимания соседей – это изображать влюбленную парочку. В этом районе подобное всем понятно.

– Жаль, что тебе пришлось позвать меня, – холодно произнесла Паула.

– Ну, я же не мог позвать Кермана, – возразил я, слегка уязвленный. – Между прочим, некоторые девушки ухватились бы за подобную возможность.

– Что я могу поделать, если у некоторых девушек странные вкусы? – сказала она, подъезжая к повороту. – Здесь остановиться?

– Да. А теперь, умоляю тебя, расслабься. Предполагается, что тебе все это нравится. – И я обхватил ее за плечи.

Паула прижалась ко мне и угрюмо уставилась на шоссе перед коттеджем. С тем же успехом я мог обнимать портновский манекен.

– Ты не могла бы изобразить побольше чувства? – И я попытался легонько укунить ее за ухо.

– Может, твоим подружкам такое и нравится, – произнесла она ледяным тоном, отпрянув от меня, – но только не мне. Если ты откроешь бардачок, то найдешь там виски и пару сэндвичей. Думаю, это занятие подойдет тебе больше.

Я убрал руку с ее плеч и полез в бардачок.

– Ты очень предусмотрительная, – сказал я, принимаясь за еду. – Это единственное, что мешает мне тебя целовать.

– Я так и знала, – съязвила Паула. – Потому и прихватила с собой.

Я трудился над вторым сэндвичем, когда по дороге проехал оливково-зеленый лимузин «додж». Не было нужды присматриваться, чтобы убедиться: это тот же самый оливково-зеленый «додж» и тот же самый молодчик за рулем.

Я сполз с сиденья, чтобы он меня не заметил.

– Это тот парень, который следил за мной, – сказал я Пауле. – Наблюдай за ним, смотри, куда он пойдет.

– Он остановился у дома Эвдоры, выходит из машины, – доложила Паула.

Я осторожно поднял голову. «Додж», как и сказала Паула, остановился перед бело-голубым домиком. Молодчик вылез и захлопнул дверцу с такой силой, что едва не опрокинул набок свою машину, после чего поспешил по дорожке к входной двери. Он не стал стучать, а просто повернул ручку и вошел – ну, торопится человек.

– А вот это, ясноглазая, называется интуицией, – объявил я Пауле. – Я предполагал, что Эвдора либо выйдет из дома, либо позвонит. Что ж, она позвонила. Крутой парень прибыл для совещания. Я словно заглянул в их карты. Очень интересно, что будет дальше.

– Что будешь делать, когда он уйдет?

– Войду и скажу ей, что не смог собрать пятьсот долларов. Посмотрим, как она себя поведет.

Я только что прикончил сэндвич и принялся за виски, когда входная дверь коттеджа открылась и крутой парень вышел. Он пробыл внутри одиннадцать с половиной минут, судя по часам на приборной доске. Он поглядел направо и налево, хмуро покосился на машину Паулы, однако с такого расстояния не смог бы рассмотреть, кто сидит внутри, а затем вразвалочку пошел по дорожке, миновал калитку, забрался в «додж» и спокойно уехал.

– Что ж, все прошло быстро, – сказал я. – Если бы все работали с такой эффективностью, можно было бы проверить прорву дел. Пошли, милая, тоже заглянем в гости. Во всяком случае, ты меня подвезешь и посидишь в машине. Не хочу, чтобы она занервничала.

Паула завела машину и подъехала к калитке бело-голубого коттеджа.

– Может, ты услышишь крики, а может, нет, – предупредил я. – Если услышишь, не обращай внимания. Это значит, что моя личность произвела неизгладимое впечатление на Эвдору.

– Надеюсь, она огреет тебя по башке утюгом.

– Она может. Она из числа непредсказуемых девушек. Мне как раз такие и нравятся.

Я прошел через калитку и двинулся по дорожке к входной двери. Побарабанил пальцами в дверь и принялся ждать, негромко насвистывая себе под нос. Ничего не происходило. Дом был тих, словно мышка, следящая за котом.

Я снова побарабанил пальцами, припомнив, как крутой парень озирался по сторонам, и внезапно уловив в этом зловеющий знак. Я толкнул дверь, но она оказалась заперта. Теперь настала моя очередь озираться по сторонам. Если не считать сидящей в автомобиле Паулы, улица была пуста, словно карманы старика, у которого кончился табак и нет денег. Я взялся за дверную колотушку и трижды громко стукнул в дверь. Паула выглянула из окна машины и нахмурилась.

Я ждал. По-прежнему ничего не происходило. Мышка по-прежнему наблюдала за котом. Тишина окутывала дом.

– Возвращайся на Бич-роуд, – сказал я Пауле. – Подожди меня там.

Она завела мотор и уехала, даже не посмотрев на меня. Это еще одно из достоинств Паулы. Она знает, что такое чрезвычайная ситуация, и повинуется приказам, не задавая лишних вопросов.

Я снова поглядел по сторонам, опасаясь, что кто-нибудь наблюдает за мной из-за занавесок на окнах многочисленных соседних домов. Придется рискнуть. Я обошел коттедж кругом. Дверь черного хода была распахнута, я осторожно заглянул в маленькую кухню. Подобного рода кухню и ждешь увидеть в доме, где хозяйничает девушка вроде Эвдоры Дрю. Похоже, уборку она делала не чаще чем раз в месяц. Повсюду – и в раковине, и на столе, и на стульях, и на полу – стояли грязные кастрюли, тарелки и чашки. Мусорное ведро было забито пустыми бутылками из-под виски и джина. Сковорода была полна пригоревшего жира, а из стока в раковине мне навстречу вылетели блестящие зеленые мухи. В воздухе висела чудесная смесь запахов гнили, грязи и скисшего молока. Не хотел бы я так жить; впрочем, о вкусах не спорят.

Я прошел через кухню, открыл дверь и оглядел маленькую, неприбранную прихожую, из которой еще две двери вели в гостиную и столовую. Я крадучись подошел к правой двери, увидел еще больше мусора и пыли, еще больше беспорядка. Эвдоры тут не оказалось, не оказалось ее и в столовой. Оставались еще комнаты на верхнем этаже. Я тихо поднялся по лестнице, гадая, уж не в ванной ли она и не потому ли не открыла мне дверь? Но решил, что это маловероятно. Она не из тех, кто ни с того ни с сего принимает ванну.

Эвдора нашлась в первой спальне. Крутой парень хорошо поработал, а она сделала все, чтобы себя защитить. Она лежала поперек неприбранной постели, широко раскинув ноги, блузка у нее была разорвана на спине. Вокруг шеи обмотан шарф в синюю и красную полоску – скорее всего, ее собственный.

Глаза блестели на посиневшем лице, язык в пене. Зрелище было совсем непривлекательное, и смерть пришла нелегко.

Я отвел взгляд и оглядел комнату. Все было на своих местах. Здесь было так же неопрятно и пыльно, как и в других комнатах, и пахло несвежим парфюмом.

Я тихо двинулся к двери, больше не глядя на постель, и вышел из комнаты в коридор. Я старался ни к чему не прикасаться, а спускаясь по лестнице, протер перила носовым платком. Вернувшись в вонючую, маленькую кухню, я толкнул сетчатую внутреннюю дверь, которая закачалась на знойном ветру, прошел по садовой дорожке и неторопливо двинулся в ту сторону, где меня ждала Паула.

Глава вторая

1

Капитан полиции Брендон сидел за своим рабочим столом и сердито смотрел на меня. Ему уже перевалило за пятьдесят, он был невысокий, склонный к полноте, с целой копной густых волос, белых, словно свежевывающий снег, его глаза смотрели так же дружелюбно и выразительно, как пивная пробка.

Из нас составилась любопытный квартет. Поодаль сидела Паула, строгая и невозмутимая. Тим Мифлин, прислонясь к стене, о чем-то спокойно размышлял, словно решивший вздремнуть старец. Я сидел в кресле для почетных гостей напротив стола. И разумеется, здесь был капитан полиции Брендон.

Большая просторная комната была хорошо обставлена. На полу лежал красивый турецкий ковер, стояло несколько удобных кресел, на стенах висела пара репродукций с пейзажами Ван Гога. Солидный письменный стол стоял в углу комнаты между двумя окнами, выходившими на деловой район города.

Мне уже доводилось бывать в этой комнате, и воспоминания об имевших здесь место мелких неприятностях были свежи. Брендону я нравился примерно так же, как Хиросиме ядерная бомба, и я ожидал новых претензий.

Беседа началась не слишком удачно и все никак не клеилась. Брендон уже начал вертеть в руках сигару – жест, который выражал его неудовольствие.

– Ладно, – произнес он раздраженно, – давайте начнем с самого начала. Ты нашел это письмо... – Он подался вперед, всматриваясь в письмо Дженет Кросби так, словно боялся заразиться от него столбняком. Брендон старался не прикасаться к нему. – Датировано пятнадцатым мая тысяча девятьсот сорок восьмого года.

Что ж, по крайней мере, он доказал, что умеет читать. Я ничего не сказал.

– И к этому письму прилагалось пять сто долларовых банкнот. Верно?

– Именно так, – подтвердил я.

– Ты получил письмо шестнадцатого мая, однако не вскрыл его, а положил в карман плаща и забыл о нем. И только когда ты отдал плащ другому человеку, письмо нашлось. Верно?

– Именно так.

Он хмуро посмотрел на сигару, затем понюхал ее толстым носом.

– Очень оригинальный способ вести дела.

– Такое случается, – коротко ответил я. – Вот помню, в ходе процесса над Тетци полиция отравила не туда...

– Плевать мне на дело Тетци, – взвизгнул Брендон так пронзительно, словно резали поросенка. – Мы говорим об этом письме. Ты отправился в поместье Кросби, намереваясь увидеться с мисс Морин Кросби. Верно?

– Да, – подтвердил я, начиная уставать от всего происходящего.

– Тебе не удалось с ней увидеться, потому что она нездорова, однако ты решил узнать больше и поговорил с горничной мисс Дженет Кросби. Верно?

– Если хочешь, пусть будет так.

– Так это верно или нет?

– Да, несомненно.

– Эта женщина, Дрю, потребовала пятьсот долларов в обмен на информацию. Такова твоя версия, но я на нее не куплюсь. Ты остался наблюдать за домом, а спустя какое-то время

появился оливковый «додж», и какой-то здоровый парень вошел в дом. Он оставался там около десяти минут, затем уехал. После чего в дом вошел ты и обнаружил, что Дрю мертва. Верно?

Я кивнул.

Брендон снял с сигары ленту и потянулся за спичкой. Все это время его глаза, похожие на пивные пробки, угрюмо смотрели на меня.

– Ты заявляешь, что «додж» принадлежит доктору Зальцеру, – продолжал он и чиркнул спичкой по подошве своего ботинка.

– Мифлин говорит, что принадлежит. Я попросил его проверить регистрационный номер.

Брендон поглядел в сторону Мифлина, который уставился пустым взглядом на противоположную стену.

– Через полчаса после того, как Маллой позвонил тебе и спросил, кому принадлежит эта машина, ты получил заявление от доктора Зальцера, что машину угнали. Это верно, я не ошибаюсь?

– Да, сэр, – холодно ответил Мифлин.

Взгляд Брендона переместился на меня.

– Ты это слышал?

– Разумеется.

– Очень хорошо. – Брендон поднес зажженную спичку к сигаре и затянулся. – Однако запомни раз и навсегда, тебе следует выбросить из головы все свои фантазии по поводу доктора Зальцера. Возможно, тебе это неизвестно, но доктор Зальцер весьма уважаемый и добропорядочный житель нашего города, и я не позволю, чтобы ему докучали такие типы, как ты. Это понятно?

Я задумчиво потянул себя за нос. Заявление Брендона было неожиданным.

– Разумеется, – ответил я.

Он выпустил дым через стол мне в лицо.

– Ты мне не нравишься, Маллой, и твоя дурацкая контора тоже. Может, от нее и есть какая-то польза, хотя лично я сомневаюсь. Я совершенно уверен, что от вас одни неприятности. Несколько месяцев назад ты доставил немало хлопот с делом Серфа, и, не будь ты таким чертовски ловким, и сам влип бы в неприятности. Мисс Дженет Кросби умерла. – Брендон подался вперед, чтобы снова взглянуть на письмо. – Кросби были и остаются до сих пор весьма состоятельным и влиятельным семейством, и я не потерплю вашего вмешательства в их дела. У тебя нет никаких прав на пятьсот долларов, которые прислала мисс Кросби. Деньги необходимо вернуть немедленно. И оставь мисс Морин Кросби в покое. Если у нее проблемы с каким-то шантажистом – в чем лично я сомневаюсь, – она придет ко мне, когда ей потребуется помощь. Это не твое дело, и, если я узнаю, что ты досаждаешь ей, я приму меры, чтобы ты как можно дольше никого не беспокоил. Ты меня понял?

Я широко ухмыльнулся.

– Начинаю понимать, – сказал я и подался к нему, задавая вопрос: – Сколько Зальцер вносит в твой спортивный фонд, Брендон?

Его жирная розовая физиономия приобрела малиновый оттенок. Глаза, похожие на пивные пробки, засверкали, словно стеклянные.

– Предупреждаю, Маллой, – зарычал он. – Моим парням известно, как обезопаситься от таких проходимцев, как ты. Как-нибудь вечером нарвешься в темном переулке на побои. Отвяжитесь от Кросби и Зальцера. А теперь выметайся!

Я поднялся.

– Сколько же семейство Кросби платит тебе за помощь, Брендон? – поинтересовался я. – Сколько два года назад сунул тебе старик Кросби, чтобы замять аварию с участием Морин, когда она насмерть задавила человека? Уважаемые и добропорядочные? Не смеши меня. Заль-

цер такой же уважаемый и именитый, как вышибала «Дельмонико». Как получилось, что он выписал свидетельство о смерти Макдональда Кросби, когда у него даже нет медицинского образования?

– Убирайся! – проговорил Брендон.

Мы испепеляли друг друга взглядами секунды четыре, после чего я пожал плечами, повернулся и направился к двери.

– Идем, Паула, пора выбираться отсюда, пока мы тут не задохнулись, – произнес я и рывком распахнул дверь. – Запомни слова о темном переулке. Подавать в суд на капитана полиции за угрозу физической расправы так же весело, как и на любого другого.

Я шагал по длинному коридору за Паулой. Мифлин, покинувший кабинет вслед за нами, топал так, словно ступал по яйцам в подбитых гвоздями сапогах.

Нас он нагнал в конце коридора.

– Подожди минутку, – сказал он. – Зайдем ко мне. – И он открыл дверь своего кабинета.

Мы с Паулой вошли, потому что питали к Мифлину теплые чувства, кроме того, он был слишком полезным человеком, чтобы с ним ссориться. Он закрыл дверь и прислонился к ней спиной. На его красном лице было написано беспокойство.

– Хорошо же ты поговорил с Бренденом, – с горечью произнес он. – Ты чокнутый, Вик. Ты ведь не хуже меня понимаешь, что ничего не добьешься таким способом.

– Понимаю, – сказал я, – но эта крыса довела меня до белого каления.

– Я предупредил бы тебя, только времени не было. Но ты и сам должен понимать, что Брендон ненавидит тебя до колик.

– И это мне тоже понятно. Только что мне оставалось? Пришлось рассказать ему всю историю. Какие у него отношения с Зальцером?

Мифлин пожал плечами:

– Они в хороших отношениях. Конечно, я знаю, что услуги его клиники стоят дорого. Однако в этом нет ничего противозаконного. – Мифлин понизил голос, продолжая: – Откуда, как ты думаешь, у Брендона появился «кадиллак»? На жалованье капитана полиции его не купишь. И еще одно: благодаря Морин Кросби детишки Брендона попали в колледж, она же оплачивает счета миссис Брендон за докторов. А ты наезжаешь на двух главных покровителей Брендона.

– Я подозревал, что дела обстоят примерно так, когда задавал Брендону свои вопросы, – признался я. – Слушай, Тим, а Зальцер действительно заявил об угоне машины?

– Да. Я лично принимал его заявление.

– И что вы собираетесь делать с этим убийцей? Предпримете хоть что-то или ничего?

– Ну разумеется, предпримем. Будем его искать.

– Я понимаю, о чем ты сейчас думаешь, Вик, но ты не прав. Зальцер слишком умен, чтобы марать руки убийством. Можешь сбросить его со счетов.

– Ладно, хорошо.

– И смотри в оба. Эта болтовня насчет темного переулка – не блеф. Ты будешь не первым и не последним, кому нададут по ушам потому, что Брендону он не нравится. Это я тебе говорю. Смотри в оба!

– Спасибо, Тим. Я буду смотреть в оба, но я в состоянии позаботиться о себе.

Мифлин потер свой бесформенный нос тыльной стороной ладони.

– Тут все не так просто. Ты начнешь бить в ответ, и тогда тебя арестуют за нападение на полицейского. Состряпают против тебя обвинение и посадят, а вот в камере тебя уже обработают по-настоящему.

Я похлопал его по руке.

– Пусть это тебя не беспокоит. Меня это точно не беспокоит. Что-нибудь еще?

Мифлин покачал головой.

– Просто смотри в оба, – повторил он, открыл дверь своего кабинета, выглянул в коридор и, убедившись, что там никого нет, махнул нам рукой.

Мы спустились по каменным ступеням в фойе. У двойных дверей топтались два здоровенных детектива в штатском. Один был огненно-рыжий с белым, одутловатым лицом. Второй худощавый и крепкий с виду, смахивавший на ржавый чугунный штырь. Оба внимательно и неторопливо оглядели нас, а рыжий плюнул точно в медную плевательницу в шести ярдах от него.

Мы прошествовали мимо них и вышли на улицу.

2

Позади Оркид-билдинг есть узкий переулок, в основном его используют как парковку конторские служащие, которые работают в здании, а в самом дальнем его конце располагается бар Финнегана.

Пэт Финнеган – мой давний приятель; это полезное знакомство, поскольку у Финнегана имеются связи с большинством бандитов и жуликов, приезжающих в Оркид-Сити, и он всегда в курсе, если затевается что-нибудь противозаконное. Несколько лет назад я принял сторону Финнегана в небольшой потасовке между ним и тремя молодчиками, которые в тот момент горели желанием выколоть ему глаза разбитой бутылкой из-под виски. Финнеган решил, что, если бы не я, он лишился бы зрения, и чувствовал себя обязанным мне.

Бар Финнегана – не только источник ценной информации, но еще и прекрасное место для встречи по окончании рабочего дня. Догадываясь, что Керман будет там, я остановил «бьюик» неподалеку, и мы с Паулой вошли в бар.

Было уже начало двенадцатого, и у стойки все еще сидели несколько самых крепких посетителей.

Джек Керман уютно устроился за угловым столиком, разложив перед собой газету и поставив поближе бутылку скотча. Он поднял голову и помахал нам.

Пока мы проходили через зал, я махнул рукой Финнегану, а он широко улыбнулся мне в ответ.

Приз на конкурсе красоты Финнегану не светил ни при каких условиях. Сложенный как горилла, с покрытым шрамами лицом, уродливым и безрадостным, он смахивал на гибрид Кинг-Конга и десятитонного грузовика.

Керман поднялся с места и отвесил Пауле изысканный поклон.

– Подумать только, ты – и в таком заведении, – произнес он. – Только не говори, что оставила свой скверный характер и строгие манеры запертыми в сейфе конторы.

– Хватит, Джек, – сказал я, усаживаясь. – Дело дрянь. Прежде чем я приступлю к рассказу, тебе есть что сообщить?

Не успел он ответить, как подошел Финнеган:

– Добрый вечер, мистер Маллой. Добрый вечер, леди.

Паула улыбнулась ему.

– Еще один стакан, Пэт, – попросил я. – Помогу Керману прикончить скотч. – Я перевел взгляд на Паулу. – Кофе?

Она кивнула.

– И кофе для мисс Бенсинджер.

Когда Финнеган принес пустой стакан и кофе и вернулся за барную стойку, я произнес:

– Давай выкладывай.

– Я виделся с Джоан Парметтой, – доложил Керман и закатил глаза. – Какая красота, какая роскошь! – Он изобразил руками изгибы. – Если бы не дворецкий, который сновал туда-

сюда, можно было бы завязать с ней прекрасную дружбу. – Керман вздохнул. – Непонятно, и что во мне так привлекает женщин?

– Недостаток интеллекта, – тут же ответила Паула. – Женщине приятно для разнообразия почувствовать себя выше мужчины.

– Ладно, прекратили базар! – резко бросил я, когда Керман начал медленно подниматься со стула, протянув руку к бутылке виски. – Не важно, как она выглядит. Что она рассказала о Дженет?

Керман опустил на свое место, обиженно глядя на Паулу.

– Она сказала, что удивилась как никогда в жизни, услышав, что Дженет умерла от сердечной недостаточности. За два дня до смерти Дженет они играли в теннис, и Дженет разбила ее подчистую. Разве такое возможно с больным сердцем?

– Что-нибудь еще?

– Я спросил и об этом парне по фамилии Шеррил. Его, кстати, сейчас нет в городе. С ним я так и не встретился. Джоан Парметта сказала, что Дженет была безумно влюблена в него. Они очень часто виделись. А потом, за неделю до смерти Макдональда Кросби, Шеррил перестал появляться в доме и помолвка была расторгнута. Причины не назывались, и даже Джоан, которая была очень близка с Дженет, понятия не имеет, что же случилось, хотя и пыталась выяснить. Дженет просто сказала, что они поругались, но не захотела распространяться об этом.

– Она говорила, что за человек этот Шеррил?

Керман пожал плечами:

– Она виделась с ним всего несколько раз. Сказала, что он красавец; чем занимается, она понятия не имеет и не знает, при деньгах он или нет. У него дом на Россмор-авеню. Небольшой, но миленький. За ним присматривает какая-то китаянка. – Керман послал в потолок воздушный поцелуй. – Она тоже миленькая. Впрочем, мне не удалось толком у нее ничего узнать. Она понятия не имеет, когда Шеррил вернется. Парень живет неплохо, должно быть, заколачивает деньги. В гараже стоит «кадиллак» размером с военный корабль, и сад выглядит так, словно в него вбухана кругленькая сумма. Бассейн и прочие атрибуты роскоши там тоже имеются, все небольшого размера, но очень-очень миленькое.

– Это все?

Керман кивнул.

Я кратко рассказал ему о своем визите к Эвдоре Дрю, о том, как туда явился здоровенный парень, как произошло убийство и как я беседовал с Бренденом. Керман сидел и слушал, позабыв о своей выпивке, и глаза у него становились все круглее и круглее.

– Господи Иисусе! – выпалил он, когда я договорил. – Ну и вечерок! Так что вообще творится? Мы выходим из игры?

– Не знаю, – ответил я, наливая себе еще виски. – Деньги придется вернуть. А чтобы это сделать, необходимо выяснить, кто занимается поместьем. Совершенно точно, что не Морин. Должно быть, у нее имеются адвокаты или какие-то официальные представители, которые ведут дела. Может быть, мы сумеем узнать это из завещания Кросби. Я хочу взглянуть еще и на завещание Дженет. Хочу уточнить, оставляла ли она какие-то деньги Эвдоре. Если не оставляла, тогда откуда они у Эвдоры? Я не говорю, что мы заканчиваем с этим делом. Сначала нароем побольше фактов, а потом решим. Нам придется действовать очень осторожно. Брендон может нам помешать.

– Если мы вернем деньги, тогда дело придется закрыть, – заметила Паула. – Нет смысла работать бесплатно.

– Я понимаю, – сказал я. – Однако получившийся расклад все равно меня заинтересовал. И, кроме того, мне не нравится выполнять приказы Брендона. – Я допил свой скотч и отодвинулся вместе со стулом. – Что ж, полагаю, нам надо сделать перерыв. Мне бы не помешало вздремнуть.

Керман потянулся, зевнул и поднялся из-за стола.

– Я тут только что вспомнил, что завтра утром должен везти детишек Хоффлина в Голливуд, – сказал он, поморщившись. – Индивидуальная экскурсия на студию «Парамаунт». Если бы не шанс увидеть там Дот Ламур⁸, я бы повесился. Эти трое ребятишек наводят на меня ужас.

– Ладно, – произнес я. – Послезавтра вернешься?

– Ага. Если меня не разберут на запчасти.

– К тому времени я решу, что мы делаем дальше. Если мы все-таки двигаемся вперед, то работать придется быстро и без накладок. Погоди-ка минутку. Я переговорю с Пэтом.

Я подошел к барной стойке, за которой Финнеган лениво перетирал стаканы. Оттуда как раз отходила парочка: какой-то старый греховодник и блондинка. Блондинка посмотрела на меня из-под накрашенных ресниц и подмигнула. Я подмигнул в ответ.

Когда они отошли достаточно далеко, я сказал:

– Пэт, есть один парень, который следит за мной. Крупный, сложен как боксер, нос и ухо покалечены, носит светло-коричневую шляпу со шнурком вокруг тульи. Курит сигары и, судя по его внешности, способен жрать ржавые гвозди. Не видел такого?

Пэт протер стакан, который держал в руках, посмотрел на свет и сощурился. Затем аккуратно поставил стакан на полку.

– Похож на Бенни Двона. Но можно проверить: если это Бенни, от него всегда разит чесноком.

– Я не подходил к нему настолько близко. А кто этот Бенни Двон?

Финнеган взял очередной стакан, сполоснул под краном и принялся протирать. Неторопливо отвечая на вопросы, он как будто специально выводил собеседника из себя. Но он не имел в виду ничего дурного – просто манера такая.

– Он настоящий головорез, – ответил Пэт, сощурившись на стакан и принимаясь за следующий. – Получил место в клинике Зальцера. Пока не связался с Зальцером, перебивался мелкими выигрышами. В тридцать восьмом году схлопотал пять лет за вооруженный разбой. Считается, что теперь он утихомирился, только я лично сомневаюсь.

– Что же он делает в клинике Зальцера?

Финнеган пожал плечами:

– Все сразу. Моет машины, чем-то помогает в саду – всякая мелочовка.

– Дело очень важное, Пэт. Если это Двон, ему грозит обвинение в убийстве.

Финнеган вытянул трубочкой толстые губы, словно собираясь присвистнуть.

– Что ж, описание очень похоже. Я видел его в такой шляпе.

Я снова повторил описание, стараясь ничего не упустить.

– Да, – подтвердил Финнеган. – Это прямо вылитый он. Постоянно с сигарой, а нос и правое ухо у него покалечены. Должно быть, он.

Я ощутил легкое волнение.

– Что ж, Пэт, спасибо.

Я вернулся к Керману и Пауле: все это время они наблюдали за мной из другого конца зала.

– Финнеган опознал того парня, – сообщил я им. – Его зовут Бенни Двон, и знаете что? Он работает на Зальцера.

– И как только тебе удастся добывать сведения? – произнес Керман, усмехаясь. – Что же ты намерен теперь предпринять?

– Поставить в известность Мифлина, – сказал я. – Погоди еще секунду, хорошо? Я ему позвоню.

⁸ Дороти Ламур (1914–1996) – популярная американская актриса.

В управлении полиции мне сказали, что Мифлин отправился домой. Я нашел в справочнике его домашний номер и позвонил. После небольшого ожидания я услышал голос Мифлина, сонный и раздраженный.

– Говорит Маллой, – сказал я. – Прости, что разбудил, Тим, но я совершенно уверен, что выяснил личность парня, который убил Эвдору Дрю.

– Правда? – Мифлин оживился. – Что ж, отлично. И кто он?

– Бенни Двон. И вот еще что, Тим. Он работает у Зальцера. Если отправишься в клинику прямо сейчас, сможешь подцепить его на крючок.

Повисло долгое, тяжелое молчание. Я ждал, усмехаясь про себя и представляя выражение лица Мифлина.

– У Зальцера? – произнес он наконец не вполне членораздельно, словно набил рот горячей картошкой.

– Совершенно верно. У дружка Брендона.

– И ты уверен в этом?

– Именно. В любом случае я смогу его опознать, и Паула тоже. Мы с радостью дадим показания.

– Точно? – В его интонациях угадывались нерешительность и мука.

– Конечно. Зальцер, разумеется, может выйти из себя, но кому какое дело до Зальцера, за исключением Брендона?

– Черт побери! – с досадой воскликнул Мифлин. – Мне придется переговорить с Брендном. Сам я в такое дело не лезу.

– Так давай, говори. Но обязательно передай ему, что я уже звоню дежурному редактору «Геральд», чтобы продать эту историю. Я не хочу, чтобы Двон выскользнул у тебя из рук только потому, что Брендон не пожелал расстраивать своего приятеля.

– Не делай этого! – взвыл Мифлин. – Слушай, Вик, ради бога, только не заигрывай с прессой. Такого Брендон точно не потерпит.

– Какая жалость, ведь именно это я и собираюсь сделать. Так и передай ему, а потом отправляйся за Двоном, если только не хочешь, чтобы на вас набросились газетчики. Пока, Тим.

Он все еще стenal, когда я повесил трубку.

Подожли Паула и Керман.

– Что, поставил его на уши? – спросил Джек, потирая руки.

– Он просто немного распахивался. Полиция, похоже, не горит желанием досажать Зальцеру.

Я набрал номер, подождал, затем услышал мужской голос: «Офис „Геральд“» – и попросил соединить с дежурным редактором.

Мне потребовалась пара минут, чтобы изложить ему всю историю. Он набросился на нее, словно умирающий с голоду на обед из пяти блюд.

– Зальцера, похоже, опекает Брендон, – пояснил я. – Я не удивлюсь, если он попытается все замять.

– Если у него получится, то не по моей вине, – ехидно ответил дежурный редактор. – Спасибо, Маллой. Пойду поищу дубинку, чтобы прибить эту крысу. Предоставь все мне: я его загоню в угол.

Я повесил трубку и вышел из телефонной будки.

– Интуиция подсказывает мне, что я назревает скандал, – сообщил я. – И если я прав, сегодня ночью Брендону не смотреть сладких снов.

– Какая досада, – отозвался Керман.

3

Если поехать на север по Оркид-бульвару, минуя поместье «Санта-Роза», то в итоге окажешься на узкой дороге, которая ведет к песчаным дюнам и к моему дому.

Дом не представляет собой ничего особенного, зато сюда не доносятся звуки чужого радио, а если мне приспичит петь в ванной йодлем, никто не станет возмущаться. Это четырехкомнатное бунгало построено из некрашенной канадской сосны, при нем имеется крохотный садик, порядок в котором поддерживает Тони, мой филиппинский мальчик-слуга. В сотне ярдов от моей входной двери плещут синие волны Тихого океана, а дом стоит в окружении зарослей кустов, голубых пальм и песка. Место уединенное, здесь тихо, как на кладбище, но мне нравится. Я живу здесь уже больше пяти лет, и меня не тянет искать другое место.

Выйдя из бара Финнегана, я поехал по песчаной дороге, ведущей к моему дому. До полуночи оставалось двадцать минут. В небе висела большая, похожая на дыню луна, и ее яркий белый свет заливал песок и кусты не хуже прожектора. Море напоминало черное зеркало. Воздух был горяч и неподвижен. Если бы мне повстречалась какая-нибудь блондинка, получилась бы романтическая ночь.

Завтра, говорил я себе, приближаясь к дому, будет хлопотный день. Паула пообещала проверить завещания и Макдональда, и Дженет Кросби, как только откроется администрация округа. Сам же я намеревался еще раз навестить медсестру Герни, разузнать, кто адвокат Морин Кросби, и поговорить с ним. Если получится, то собрать побольше информации о Дугласе Шерриле. А вот если в завещаниях не окажется ничего интересного, если адвокат Морин подтвердит, что все в порядке, и если поведение Дугласа Шеррила не вызовет никаких подозрений, тогда я действительно верну пятьсот долларов и буду считать дело закрытым. Однако в глубине души я был совершенно уверен, что дело закрывать не придется, хотя и был готов поверить в то, что напрасно теряю время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.